Ночь в твоих глазах

Автор:
Яна Ясная

Ночь в твоих глазах

Яна Ясная

Мое имя – Темная Ночь. И долгое время я не понимала, чем руководствовался Оракул, нарекая так младенца в розовых рюшах. Но все оказалось просто. Темноты не существует. Темнота – это отсутствие света. И меня, Даркнайт Ирондель Янтарной, волей Императора тоже больше не существует. Осталась Нэйти – скромная бывшая преподавательница. Нэйти – скромный бывший секретарь в темноэльфийском замке. Нэйти – воровка…

Несостоявшаяся. И… нескромная, пожалуй.

С другой стороны, поймавший меня за… пусть будет «за руку», темный эльф, кажется, и вовсе не имеет понятия, что такое «скромность»!

Яна Ясная

Ночь в твоих глазах

Глава 1

Мэлрис эль-Алиэто

Струна сторожевого заклинания звенела так тихо и нежно, что я не сразу понял, что это – сигнал тревоги. Его можно было принять за отзвук мелодии, долетевший из музыкального зала, или движение воздуха, запутавшееся в шелесте ветра.

Но нет. Дрожала потревоженная нить сигнальных чар.

Оторвавшись от отчета, я позволил себе приподнять бровь: это кто к нам пришел, такой… талантливый?

Отпущенный отчет свернулся в свиток и окутался вязью защиты, как только нижний край листа из лунного шелка коснулся плотного округлого бока, замкнув контур.

Один, два, три… десять.

По коридорам Алиэто-оф-Ксадель по-прежнему не летела по тревоге стража.

Дежурный лейтенант не спешил ко мне с докладом о поимке злоумышленника.

Только тихо и, судя по всему, ощутимо лишь для меня, звенели сторожевые чары.

Определенно – талантливый.

Я убрал отчет, запер стол и потянулся к силе.

Нынешний гость, пожалуй, стоил того, чтобы на него взглянуть.

Сосредоточившись и очистив разум от посторонних мыслей, я шагнул меж Гранями[1 - Умение ходить между Гранями – одна из ветвей порталостроения, характерная именно для темных эльфов. В своем замке, с которым эльф тесно связан кровью, он может перемещаться от места к месту мгновенно и на минимуме личных сил.] замка Алиэто-оф-Ксадель, Цитадели-над-Радугой, твердыни эль-Алиэто, правящего дома мира Улариэ, созвездия миров Лиэнатрэ.

Гость обнаружился у входа в сокровищницу – настоящую, а не официальную, что само по себе вызывало вопросы к Старшему над тенями – неведомым образом пройдя все кордоны охраны на пути ней и миновав замки внешних помещений.

Прикрытый пологом невидимости и шумоподавляющим щитом, он стоял лицом к глухой стене, сквозь фреску на которой уже проступили контуры створок тщательно замаскированных дверей.

Она. Она стояла.

Косой лунный луч и застывшая в нем тонкая фигура – длинная черная коса, положенная по штату всему женскому человеческому персоналу в Алиэто-оф-Ксадель, спускалась ниже узких бедер, а руки… Её руки танцевали. Жили своей жизнью.

Невесомые и прекрасные, исполненные гармонии движения сплетались в совершенный узор.

Застигнутая с поличным шпионка и потенциальная воровка не колдовала – она творила волшебство. И огонь творения, видимый не глазами, недоступный никому, кроме истинных детей Мироздания, сиял в ней нестерпимым жемчужным светом, пробиваясь сквозь кости и плоть озаренной гостьи, сквозь одежду и скрывавшие ее чары.

Вопросов к Мастеру теней становилось всё больше.

Кажется, человеческие коллеги оказались расторопнее нашего старика эль-Талафа, и всё же сумели добыть ту информацию о нашем народе, которую мы хранили столько лет. Нужно будет найти, от кого произошла утечка, и примерно наказать. Потому что для тех, кто посылал ко мне это удивительное создание, кажется, было очевидно: в созвездии миров, принадлежащем темным эльфам, она не может быть казнена ни при каких обстоятельствах.

Внутренний огонь не может быть погашен насильно.

И даже если прекрасная на досуге ест младенцев – это не может быть основанием для её умерщвления. Это лишь основание оградить ее

от младенцев.

Все эти возвышенные, но не слишком радостные мысли едва коснулись меня, пройдя по краю сознания, в то время как большая его часть была погружена в эстетическое любование: редкое наслаждение – наблюдать за вдохновенным творцом.

Даже если он при этом пытается проникнуть в твою сокровищницу.

В этот момент взломщица как раз закончила распутывать сигнальное заклинание, и я заинтересованно замер: заметит или нет потайной крючок? А если заметит – отступится или попытается проскользнуть мимо и неминуемо влетит в следующий слой защиты? Потому что снять потайной сторожок невоз…

Возможно.

Озаренная нарушительница с облегчением выдохнула, а я понял, что всё это время не дышал вместе с ней. Расслабил плечи.

Если те, кто её посылал, знали, что делали, а не угадали случайно, и ждут, что девушку, в случае провала, им вежливо вернут – обойдутся. Мы этот талант перевербуем.

А тайной службе отправлю письмо с извинениями. «С прискорбием сообщаем, что ваш человек погиб при задержании – разделяем вашу боль, скорбим вместе с вами». Никто, конечно, этому письму не поверит – но это последнее, что меня волнует.

Отдам ее дому Эриали. Или дому Роу – там наследственная предрасположенность к дамам авантюрного склада. Вот пусть они её и… вербуют.

Еще немного полюбуюсь – уж больно хороша она, объятая лунным светом и вдохновением – и отдам.

Вот досмотрю до того места, как ее обездвижит защитой, и заберу. Как статую.

Избавившись от сигнального заклинания, озаренная почувствовала себя куда свободнее: из позы исчезло напряжение, линия плеч несколько расслабилась… Встряхнув руками, она подвигала пальцами, расслабляя напряженные мышцы, всплеснула кистями – и продолжила свою вдохновенную деятельность.

Окинула фальшивую стену придирчивым взглядом, а затем выверенными и точными движениями одно за другим развесила перед самой преградой пару десятков плетений, и… шагнула вперед.

Защита среагировала безупречно – и я собрался было забрать свой трофей, но с возрастающим изумлением понял, что поторопился. Гостья вернулась на место, которое только что покинула, как ни в чем не бывало – а вот заготовленные ею плетения начали наливаться свечением. И силой. Которую выкачивали из парализующего заклинания.

Не отвлекаясь на такие мелочи, их создательница принялась деловито дублировать шумоизоляцию в комнате и выставлять дополнительные силовые щиты вдоль стен и окон, наполняя меня дурными предчувствиями.

За это время плетения превратились светящиеся, налитые энергией шарики и перестали подавать признаки активности. Не веря своим глазам, я наблюдал, как человеческая женщина собирает их в один – крупный, размером с голову взрослого мужчины…

А вот это уже полная наглость! Использовать мою собственную силу чтобы обворовать меня же!

Такого хамства я стерпеть не мог и шагнул вперед, возвращаясь с плана вуалей, и глядя прямо в округлившиеся бездонно-синие глаза, доброжелательно поинтересовался:

– Что вы здесь делаете, лирелей[2 - Эльфийское обращение к инородцам. Между собой они используют иные обращения. Ренсали – к тому, кто ниже статусом. Эраро – к равному. Вериалис – к тому, кто выше.]?

Эриали и Роу обойдутся.

Сам завербую.

Даркнайт Ирондель Янтарная

Что мне нравилось в мире Улариэ – так это ночи. Плотные, бархатные, глубокие.

Еще нравилась архитектура – я ценю сдержанность и элегантность эльфийского классицизма.

А вот обитатели его мне совсем не нравились: темные эльфы недоверчивы, высокомерны, да к тому же обладают невероятной магической чувствительностью.

Работать совершенно невозможно.

Особенно, когда вокруг тебя бережной, но бескомпромиссной пеленой оборачивается обездвиживающее заклинание, и низкий голос, хорошо поставленный и богатый, задает вопрос.

Это был сокрушительный провал.

Конец всему.

Потому что в дополнение к вышесказанному, темные эльфы склонны казнить чужаков-нарушителей направо и налево, руководствуясь при вынесении приговоров абсолютно необъяснимой с человеческой точки зрения логикой.

– Я заблудилась, вериалис, – ответила я на его вопрос, учтиво склонив голову, насколько это позволяли проделать обездвиживающие чары, и используя вежливое обращение. – Я ищу секретариат. Мне показалось, он там…

Темный молча изучил меня взглядом. Потом перевел его на стену, в которой отчетливо проступили светящиеся контуры магического хранилища, укрытые последним слоем защиты. Снова посмотрел на меня.

– Я целеустремленный и ответственный работник, вериалис, – пояснила я все тем же нейтрально-почтительным тоном вышколенной прислуги.

Эльф смотрел на меня во все глаза.

Интересно, у него тоже от сюрреализма ситуации голова идет кругом?

Еще раз изучив двери, за которые я так рвалась проникнуть, темный иронично сообщил мне:

– Секретариат не там, лирелей.

– Тогда я дальше пойду искать? – тоном хорошей девочки откликнулась я.

Ну а что мне остается в этой ситуации, кроме чувства юмора?

Темный шутки не оценил, только голову набок склонил, рассматривая с интересом.

С плотоядным интересом.

В черных волосах, собранных в сложные косы, блеснули украшающие их кое-где бусины и цепочки, и зеленые, в тон глазам, пряди.

Мозг отчаянно анализировал всю доступную ему информацию: я, даже понимая, что это бесполезно, по инерции продолжала барахтаться и пыталась вычислить, с кем свела меня неудача.

Явно не с кем-то из эльфийских младших – младшие в Алиэто-оф-Ксадель только в качестве обслуживающего персонала присутствуют. А я достаточно собрала о темных и светлых эльфах информации, чтобы понимать: обслуживающий персонал задерживать преступников у них не имеет права. Так что младший для этого вызвал бы стражу.

Он явно не из стражи: стражники даже у эльфов по одному на место преступления по тревоге не являются.

Остается только кто-то из старших.

Сердце сжало глухой тоской. Младший должен был бы меня доставить к кому-то, облеченному властью принимать решение о дальнейшей участи нарушителя, даря мне драгоценные минуты жизни. Старший… Старший вполне может принять это решение сам. Прямо здесь и сейчас.

Темный шагнул ко мне, и я закрыла глаза.

Пусть всё будет быстро.

Эльф же торопиться не собирался: медленно, невыносимо медленно обойдя меня, он замер за моей спиной:

– Назовите себя, лирелей.

Облегчение прорвалось сквозь страх. Облегчение от того, что он решил меня допросить. Пока он допрашивает – я живу.

Я не могу умереть. У меня важное дело.

– Даркнайт, – я сглотнула, увлажняя пересохшее горло. – Даркнайт Ирондель.

Дыхание темного щекотало кожу, шевелило короткие прядки на шее. От этого становилось всё страшнее – я постепенно понимала, что я для эльфа не разумное существо, а мышь, угодившая в кошачьи лапы.

– Ваше полное имя, – требовательно уточнил он вопрос.

– Даркнайт Ирондель, – повторила я, в кои веки радуясь, что в этих словах нет лжи. Что это теперь действительно моё полное имя.

– И-рон-де-е-ель… Эльфийские корни? – мурлыкающе протянула за спиной большая хищная кошка, и я ощутила прикосновение к левому уху, от завитка к мочке.

Невесомое, как крылья бабочки.

Я с трудом находила силы на то, чтобы держать лицо, и дать ответ тоном, не похожим на задушенный писк:

– Что вы, вериалис. Это случайная прихоть родителей.

Он то ли усмехнулся, то ли хмыкнул – по затылку и задней поверхности шеи от этого пробежались мурашки – и коснулся второго уха. Легко проскользил по нему пальцами, заправил мелкие выбившиеся волоски. Стек движением к тому месту, где шея переходит в ключицу, и я чувствовала его пальцы даже сквозь плотную ткань строгой блузки и пиджака.

– Кто отправил вас сюда, лирелей? Кто приказал вам взломать сокровищницу?

Врать было бесполезно – эльфы чуют ложь. Поэтому я промолчала.

Потому что…

Никто. Меня никто не посылал – я пришла сюда сама, одна.

Никто не станет торговаться ради меня и предлагать обменяться пленными. Меня никто не станет вытаскивать.

Как только темный это поймет…

Поэтому я буду молчать, выгадывая себе время жизни.

Темный придвинулся еще чуть ближе – я ощутила спиной его грудь – и вкрадчивым шепотом мурлыкнул на ухо:

– Ну же, лирелей! Вы же понимаете, что мы всё равно вычислим это сами. Только вот совсем не обязательно те, кто отдал вам приказ, признают это и заступятся за вас перед Темными Домами. Так зачем вам усугублять ваше положение молчанием? Зачем хранить верность тем, кто отправил вас на верную смерть?

Касание его груди к моей спине было едва ощутимым, но оно было.

Я молчала.

Темный за моей спиной покачал головой – я ощутила это макушкой – и вздохнул.

Фалангами пальцев он коснулся моих волос, проскользил вниз – к затылку, по плечам, рукам…

Я стояла, боясь дышать.

Он меня сканирует или лапает?

Лапает.

Хотя нет, кажется, всё же, сканирует.

Или…

Будь здесь человеческий стражник – я бы не сомневалась. Собирая сведения и готовясь к своей миссии, я получила более-менее исчерпывающее представление о том, чего в такой ситуации можно ожидать от имперской стражи.

Но…

Это же эльф. Гордость, самомнение и веточка пафоса сверху. Не может же он лапать задержанную человеческую нарушительницу?

…может.

Он меня сканирует и лапает.

Я мысленно сказала: «Ах, кошмар!» – и добавила уничижительным тоном: «Как недостойно сына старшей расы!». Тоже, естественно, мысленно.

А вслух ничего не сказала, даже почтительно-кроткого выражения лица не изменила. Очень жить хотелось.

Не сказать, что это было противно – скорее, щекотно. Нервно. Адреналиново. А еще смущало – все же я девушка хорошего происхождения и правильного воспитания, и к подобному… вольному обращению не привыкла.

А еще беспокоило, что я не вижу его: есть только невозможность пошевелиться, только движения за спиной, только легкие, слабо ощутимые, но очень точечные прикосновения, посылающие волны нервных мурашек по скованному заклинанием и напряжением организму.

И на фоне этого состояния мозг в сумасшедшем темпе продолжал искать варианты спасения.

Мягкими плавными шагами темный обошел меня по кругу, чтобы оказаться ко мне лицом к лицу. Провел пальцами по скуле – я ощутила покалывание чар, но распознать их природу, не привлекая внимания, не сумела. А эльф, внимательно глядя почему-то не в глаза, а на мой рот, спросил:

– Что именно вы планировали взять из сокровищницы?

Но этот вопрос тоже был из тех, на которые мне лучше не давать ответа, и я лишь нервно облизнула губы под его пристальным взглядом.

А темный покачал головой, всем крайне печальным видом давая понять, что он-то на моей стороне, но вот я, глупая девочка, веду себя неразумно.

– Вы же понимаете, что попались на преступлении, влекущим за собой смертную казнь, лирелей? – в голосе высшего теперь звучало почти сочувствие.

Я опустила голову: и потому что устала держать ее высоко поднятой, и потому что от пристального внимания Старшего губы начали гореть.

– А теперь еще и отказываетесь сотрудничать! – мягко укорил он.

Я бы с радостью согласилась сотрудничать, вериалис. Но, видите ли, говорить вам правду не в моих интересах, а врать…

Нет, есть у людей такие виртуозы, которые и эльфа сумеют обмануть. Но это все больше политики и дипломаты, оперирующие умолчаниями и тонкостями формулировок.

Прямую, грубую ложь Перворожденные чуют нутром – а ничего другого, увы, я гостеприимному хозяину предложить не могла.

И все же он внимательно разглядывал меня с высоты своего роста, не спеша сносить голову с плеч для того, чтобы потом отправить ее главе тайной канцелярии императора (то-то великий лорд изумился бы – зачем ему эта незнакомая голова и что прикажете с ней делать?).

И мне в конце концов надоело стоять в поникшей позе – и, оторвав взгляд от сложного шитья на одеждах темного, я подняла его выше.

Чтобы уткнуться взглядом в четко очерченный изгиб губ.

Еще выше. К пронзительной, неестественной, нечеловеческой зелени глаз, которая внезапно оказалась так близко, что выдерживать этот взгляд было просто невозможно.

Взломать сокровищницу темных эльфов тоже, говорят, невозможно… ну извините!

И я смотрела ему в глаза. Красиво же. Почему бы и не посмотреть?

– Вам так хочется умереть, лирелей? – осведомился эльф.

– Совершенно не хочется, вериалис, – кротко и с максимальной искренностью призналась я. – Но выбора-то нет!

Он помолчал. И, сверкнув моховой зеленью глаз, склонился к моему уху.

– А если есть?

Этот простой вопрос окатил меня огнем надежды. Затем окунул в ледяную бездну отчаяния: ну не та я, за кого он меня принял!

– Мне нечего дать эльфийским домам в обмен на помилование! – расправив спину, насколько позволили тиски чар, я посмотрела ему в глаза прямо и гордо.

И отвернулась, вздернув, само собой, подбородок.

Знай наших, темный!

Я не унижусь до вымаливания пощады!

– Эльфийским домам – пожалуй, – темный воспользовался моим пафосным жестом и теперь мурлыкал мне на ухо, почти касаясь его губами. – Но вот… лично мне… в частном порядке…

Я замерла и сбилась с дыхания.

Что, простите?

По воле Великого Ничто судьба моя сложилась так, что большую часть своей взрослой жизни я была вынуждена посвятить сбору и анализу информации о самых разных сферах жизни и деятельности разумных. И добилась в этом определенных успехов: обнаруженная и почти вскрытая сокровищница рядом со мной была тому доказательством.

Но весь этот опыт не подготовил меня к тому выводу, который напрашивался сейчас из всего поведения темного.

Он предлагает мне… что?!

Я, изумленно повернула голову обратно, почти соприкоснувшись с темным носами. А он, пока я пыталась осознать неосознаваемое, продолжил, мерцая бездонными очами:

– Я же, со своей стороны, мог бы помочь вам, лирелей, избежать смертной казни…

Возмутительно.

Это должностное преступление.

Это… это хуже – преступление против чести! Против рода! Заключать сделку с преступницей!

Как так можно?!

…но если можно, то я согласна.

Мне никак нельзя умирать.

И я согласно опустила ресницы, принимая его предложение.

Темный с непринужденным изяществом удовлетворенно кивнул в ответ остроухой головой.

Пространство сдвинулось пластами, расслоилось – и перед нами вытянулся веретеном портал, мерцая шафранными всполохами: темный воспользовался особым даром своей расы, умением ходить через Грани.

Он с машинальной вежливостью повел рукой, приглашая воспользоваться переходом, но почти мгновенно спохватился, поднял меня, неподвижную и окаменевшую, и внес в портал на руках.

Как предмет интерьера.

Снять с меня чары, вопреки моим отчаянным надеждам, он не потрудился.

Эльфийская классика – это потакание природным формам и фактурам, подчеркнутое игрой света и тени.

В этом смысле спальня похитившего меня эльфа была абсолютно классической и представляла собой полусферу пещеры, пронизанную лучами света. Её своды были обработаны нарочито грубо, примитивно – выступы, сколы…

Все на самом деле важные персоны в замке Алиэто-оф-Ксадель жили в башнях. И чем выше покои – тем выше положение среди прочих Старших.

Покои же «моего» темного находились в подвалах замка – и это без слов говорило о его статусе.

Я отметила это – и отложила, вернувшись к наблюдению.

Здесь было сумрачно-темно.

Тонкие лучи света били откуда-то снизу, скрещиваясь, пересекаясь, выхватывая из темноты то изумительной красоты перелив цвета, то эффектную линию выступа, то полную кристаллов вскрытую жеоду в горной породе. Несколько лучей бросали пятна света на пол – привлекая внимание к текстуре полированного камня.

И властвовала над всем этим великолепием кровать. По центру пещеры.

Развратно-огромная.

Я сглотнула.

Темный, любезно позволивший мне осмотреться и полюбоваться, с довольной ухмылкой шагнул вперед и установил меня в пятне света.

Сходство с элементом декора стало абсолютным.

Эльф отступил, полюбовался мной, склонив голову на одну сторону, на другую. Обошел, изучая с мечтательным выражением лица.

Я закрыла глаза, не в силах выдерживать эту пытку взглядом. Но почти сразу вновь открыла, почувствовав, как чужие руки деловито и умело шарят по моей

одежде, обыскивая ее – и раздевая меня.

Огладив мои плечи, темный стянул с них пиджак и дотошно, но быстро исследовал каждый шов, даже встряхнул несчастную вещицу. Чтобы, цокнув языком, отбросить ее в сторону.

Мужские ладони легли мне на талию. Обхватили ее – и не сошлись лишь самую малость. Прогулялись чуть выше, к нижним ребрам, вернулись назад. Большие пальцы погладили живот над линией юбки – не очень ощутимо, сквозь слои ткани, но почему-то все равно от этого движения внутри что-то нервно дернулось.

Щелкнул ремешок юбки – узкий, дамский и очень скромный. Темный плавно вытянул его из шлевок и протянул сквозь кулак, сосредоточившись и опустив ресницы (всем ресницам ресницы, любой красавице на зависть!). Разочарованно вздохнул:

– Лирелей. Вы что, пришлю сюда совсем без защиты? Право слово, я бы на вашем месте не защищал так начальство, которое не потрудилось экипировать должным образом своего человека!

Говоря это, темный приблизился ко мне, прижался всем телом, оказавшись вдруг совершенно огромным: я лбом упиралась ему в нижнюю челюсть.

Он положил мне руки на плечи, и я почувствовала, как от тяжелых ладоней побежала по телу искристая магия.

– Я понимаю – пиджак, – выдохнул он мне на ухо, а его ладони теперь весомо и медленно скользили по моей спине. – Каждый пиджак артефактами не нашпигуешь, Алиэто-оф-Ксадель слишком защищен для этого. Но пояс! Хотя бы в нем можно было спрятать что-то на случай неблагоприятного развития событий.

«Да. Например, на нынешний» – согласилась я. Но не вслух – язык присох к нёбу.

Мужские руки легли на мои ягодицы. Погладили их. Легонько сжали и отпустили.

– Будь у вас что-то подобное, – мурлыкнул он мне на ухо и легонько прикусил завиток ушной раковины, – Вы бы смогли избежать нынешней деликатной ситуации.

Будь у меня что-то подобное – я бы не дошла до вашей сокровищницы, вериалис. Слишком уж любознательно ваши Тени реагируют на подозрительные артефакты у работников.

– Вы меня сейчас отчитываете или советы на будущее даете? – пробормотала я себе под нос, чувствуя, как его руки сжимают мой… «турнюр». – «Как правильно вламываться в темноэльфийские сокровищницы»?

– Ну что вы, лирелей, я не планирую вас использовать столь опасным образом!.. – выдохнул темный, прихватил укушенное место губами и пустил по моей коже нервные мурашки. – К тому же, для этого пришлось бы выпустить вас из виду, а столь вопиющей глупости я не допущу. Нет-нет, я планирую вас использовать сугубо к обоюдному удовольствию…

Он потерся о мой висок кончиком носа и тихо, но четко произнес:

– Не бойтесь, лирелей. Я не причиню вам вреда.

Твердое мужское тело на миг прижалось к моему почти вплотную и сразу же отстранилось.

Мне стало легче. Эльфы не лгут – по крайней мере, за все века взаимодействия наших рас, на лжи Первородных не ловили. И если бы не… мягко скажем – выбивающие из колеи обстоятельства, я бы вспомнила об этом раньше.

О да, однозначно, все его слова имеет смысл рассмотреть под увеличением, изыскивая второе дно, но главное – немедленная смерть мне не грозит. Вреда причинять не намерен. Планирует использовать, но не в ущерб мне.

«К обоюдному удовольствию» – это ведь не в ущерб, верно? А значит, это нужно просто пережить. Расслабиться и плыть по течению, не сопротивляясь, но и не принимая на свой счет происходящее.

Об этом я думала, пока темный расстегивал пуговицы на моей юбке – почти заключив меня для этого в объятия, потому что форменная юбка застегивалась сзади.

Не принимать на свой счет жар чужого тела, оказавшегося настолько близко, в теории гораздо проще, чем на практике.

А еще – его преимущество в размерах, из-за которого присутствие темного в моем личном пространстве подавляло. И запах, одновременно свежий и дикий, харизматичный. Я не заметила его раньше, но на таком расстоянии он проявился и теперь не отпускал. И…

И что угодно, лишь бы не думать о том, что строгая юбка расстегнута и медленно, вызывающе медленно, ползет вниз, а ладони темного – так же медленно и вызывающе спускаются по моим бедрам.

Он убрал руки. И шагнул назад – нет не для того, чтобы дать мне передышку.

Только для того, чтобы рассмотреть меня, неподвижную, стоящую в луче света. Чтобы проводить взглядом скольжение темно-серой ткани. И когда юбка, достигнув колен, соскользнула на пол, он поднял на меня взгляд и сглотнул.

Я попыталась представить, как я сейчас выгляжу: застегнутая и мятая блузка, чулки, выглядывающие подвязками из-под её края, строгие туфли и растрепанная коса.

Было бы нелишним, чтобы это все выглядело соблазнительным – не хотелось бы, чтобы темный передумал и отменил сделку.

Я осторожно подняла на него взгляд – и вздрогнула. Выражение его лица было… Если бы я была романтичной трепетной барышней, я бы назвала его «эстетическим экстазом». Но я взрослый, битый жизнью человек…

А темный, не отпуская моего взгляда, плавно и хищно, одним неуловимо-грациозным движением снова приблизился ко мне.

Постоял на границе светового пятна, мерцая темными глазищами, в которых расширившийся зрачок оставил моховой зелени на откуп лишь тонкую полосу.

И прижался ко мне вплотную.

Да.

Все же я выглядела достаточно соблазнительно. Иначе эти изменения в мужском организме, если верить студенткам Академии, не объяснить.

Нервная дрожь пробежала по телу, запуталась в пальцах и коленях.

Я не боюсь, но… но мне страшно!

Ох, и зря же я не интересовалась этой стороной жизни раньше – всё как-то времени не было, всё думала, вот выйду замуж, и потом!

А теперь – какой кошмар, надо работать развратной женщиной, а я не готова! Ни практически, ни хотя бы теоретически!

… зато темный, очень похоже, готов…

Неспешно, словно смакуя и растягивая удовольствие, он расстегивал мелкие, частые пуговицы на блузке.

Расстегнул.

Развел полы в стороны.

Вздохнул. И, прикрыв глаза, наклонился и поцеловал меня в полушарие груди, едва приподнимающееся над корсетом. Потом во второе. Потом лизнул, поочередно, оба, и снова поцеловал.

Дрожь обосновалась в конечностях.

Я, прикрыв глаза, старалась отвлечься, но горячие искры, загорающиеся под кожей после каждого поцелуя, отвлечься не позволяли.

Блузка стекла по коже шелковым ручьем и легла на полированный камень распахнутым белым крылом.

Шнуровка корсета осыпалась, уничтоженная заклинанием, а сам корсет сдал доверенные ему позиции, каким-то образом – тайной эльфийской магией, не иначе! – оказавшись в руках у темного, а не на мне.

Всё. Теперь мою наготу отделяла от темного только тонкая нижняя рубашка – настолько тонкая, что почти прозрачная. Настолько тонкая, что почти не в счет.

…но всё же, пока еще отделяла – и я порадовалась, что она есть. Возможно, темный продлит этот досмотр-раздевание ещё десяток минут, и красные рубцы, надавленные на коже жесткой поддержкой, разойдутся.

Благо, корсет заинтересовал моего пленителя надолго – он его щупал и сканировал, и разве что на зуб не попробовал.

– Зачем вы это носите, лирелей? – с искренним недоумением обратился он ко мне. – В нем же… ничего нет!

– Вериалис, вы впервые столкнулись с дамским корсетом? – участливо поинтересовалась я, и эльф чуточку, едва заметно смутился:

– Нет, я пару-тройку раз сталкивался с подобным на других шпионках, но… – он откинул изученную вещицу в сторону и снова шагнул ко мне вплотную.

А я поняла, что он все же из Теней дома Алиэто, раз уж регулярно встречается с корсетами шпионок.

– Но у них эта деталь гардероба была более функциональна. Заточенные спицы там, удавка здесь, стержни артефактов… Легкая броня, опять же, – его горячий шепот обжег мне ухо, и несколько невесомых, легких поцелуев коснулись многострадальной ушной раковины, живо выбив из головы начатый анализ.

– Я ношу его, потому что это эльфийское требование к форме одежды человеческого персонала женского пола в мирах, находящихся под рукой Перворожденных, – пробормотала я, собравшись с силами и взяв себя в руки. Далось это с трудом: дыхание сбивалось и язык пересох.

– Что? – осторожно уточнил темный и даже отвлекся от второго моего уха. – Эльфийское… требование?

– Да. – Я с энтузиазмом восприняла передышку и поддержала разговор. – Без корсетов человеческие женщины, на эльфийский взгляд, выглядят непристойно. Особенно на фоне прекрасных эльфиек с изящными пропорциями.

Студенты называли подобное изящество словом «плоскогрудые».

Но этого мы вслух не скажем.

Физиономия темного до этого момента выражениями не баловала, и его эмоции я определяла, как бы не сказать «угадывала», а то и вовсе «придумывала» по богатым модуляциям прекрасно управляемого голоса. Но написанное сейчас на его лице изумление идентифицировалось абсолютно точно.

– Лирелей, – проникновенно произнес он, и взгляд его, весомый и какой-то плотный, медленно отправился в путешествие по моему лицу, стек ниже, задержался на груди с ее бесстыдной рубашкой, пополз ниже. Я буквально почувствовала, как этот взгляд облизал подвязки чулок, коленки и почему-то щиколотки. – Вам эта конструкция совершенно не нужна. Вы прекрасны.

И прозвучало это с алмазной, мифриловой просто убежденностью в своей абсолютной правоте.

Что ж, будем иметь в виду: на комплименты дамам эльфийская нелюбовь ко лжи не распространяется.

А темный, отстранившийся было немного, вновь оказался близко – избыточно близко, недопустимо близко.

Поднял руки – словно обнял – но на самом деле всего лишь коснулся волос и перекинул мою косу вперед.

Черная на белом, она резко выделялась на нижней рубашке. И столь же контрастно-яркими казались длинные пальцы темноэльфийского борца со шпионками, которые медленно, с явным чувственным наслаждением стаскивали простенькое колечко-зажим с ее конца.

Он расплетал строгую уставную прическу, перебирал пряди, волнистые после косы и откровенно млел от процесса.

А меня от этой картины начало меленько потряхивать. Дрожь, затаившаяся в кончиках пальцев и в коленях, начала расползаться по телу: захватила живот, заставила поджать пальцы ног…

Я снова прикрыла глаза, чтобы избавиться от этого ощущения, но и с закрытыми глазами прекрасно чувствовала, как тонкие пальцы ворошат и гладят мои волосы. Как от этого слегка дергает и покалывает затылок и макушку…

О, Оракул, всесильный и всеведущий, за что мне это?!

…нет, я знаю – за что.

Просто с отмеренным не согласна!

А темный теперь увлеченно целовал открытую кожу в вырезе нижней рубашки, и без сомнений чувствовал, как частит мой пульс и как мое сердце бьется в его губы.

Чтобы отвлечься, я перебирала в уме засечки и закладки на спасение, повторяя, примеряясь к сложным формулам и убеждаясь в очередной раз, что справлюсь, что не посрамлю себя, лишь бы выпал шанс, лишь бы хватило времени…

Этот способ отвлечения перестал работать, когда руки темного скользнули под мою рубашку.

Я сглотнула, а его пальцы принялись выписывать узоры, скользя то по тонкому шелку чулок, то по голой коже, оставляя горящий огнем след, смешивая воедино непристойную ласку и магию.

Я чувствовала, как скользит по моей коже его сила, поднимая дыбом все крохотные волоски на теле, тая и оставляя едва читаемое магическое эхо.

Я разбирала, что и для чего он применил. Я умирала от смущения, от одной мысли (и ощущения), где именно он это применил.

Я не доживу до конца. Я не выживу. Я сгорю от стыда и рассыплюсь прахом по его роскошной пещере.

Не открывая глаз, я снова, в который раз, сглотнула, смачивая пересохшее горло, стремясь взять себя в руки, попыталась сжать пальцы в кулаки – и не смогла, вспомнив, что мысленно разложенное мной на составляющие заклинание всё еще меня держит.

– Потерпите, лирелей, – выдохнул темный мне в шею, холодя дыханием влажные следы своих же поцелуев.

Пальцы темного легко, медленно погладили мою кожу над полосой чулок, уже без всякой магии, только лаская.

– Остались только туфли, – и он легко провел языком по моей шее, заставив дернуться всё внутри.

Туфли? Какие туфли?

Мысли суматошно метались в голове, а я наблюдала, как темный эльф (гордость, спесь и вишенка пафоса сверху) плавно опускается передо мной на колени, скользя грудью и руками по моему телу.

Оракул…

Нет, Оракул тут не поможет, тут нужны силы могущественнее.

Тау, спаси меня!

Широкие ладони, проскользив до щиколоток, огладили их и переключились на мою обувь, сплетая вокруг нее узоры чар, а сам темный, нимало не стыдясь своего униженного положения, покрывал поцелуями мои ноги от бедер до колен.

Сердце, которое и до того вело себя нервно, теперь колотилось в горле, нагоняя кровь в голову и порождая шум в ушах, оглушая.

– Ну надо же, – выдохнул он куда-то в область подвязок моих чулок, – Даже в обуви ничего нет. Фантастическая безалаберность.

Его ладони поползли по моим икрам вверх, то сжимая, то гладя.

– Это того, кто отвечал за ваше внедрение, нужно казнить.

Ну, знаете ли! Я не для того тут продала свои тело и честь, чтобы потом меня казнили!

Горячие пальцы скользили по краю чулка, и подвязки развязывались сами по себе, одна за другой.

– Это просто вопиющее небрежение своими должностными обязанностями, – продолжал делиться мнением с краем моей рубашки тот самый темный, что предложил одной опасной преступнице (да еще и предположительно шпионке!) спасение жизни в обмен на секс.

По поясу для чулок он пробежал пальцами совершенно формально – и эхо чужой силы лишь чуть щекотнуло кожу живота. Видно, в моем мифическом работодателе разочаровались совершенно и уже не ждали от него никаких достойных шпионского начальства поступков.

Расстегнул и отбросил в сторону, к прочим предметам гардероба.

Склонился к туфлям. Бережно придерживая меня за талию, стянул правую, заботливо предупредив:

– Осторожно, лирелей!

«Как будто от лирелей здесь что-то зависит!» – мысленно проворчала я.

А он стащил обувь с моих ног.

Скучные форменные туфли одна за другой упали поверх нижнего белья – личного, дорогого сердцу и бюджету.

Для некоторых нет ничего святого!

Полыхнул серебром защитный контур вокруг горки моих вещей.

– На всякий случай, – пояснил он, отрезая меня от гипотетических не обнаруженных им сильномогучих артефактов.

И потянул нить парализующих чар, возвращая мне подвижность.

Меня качнуло от неожиданности – и темный заботливо придержал меня за бедра, не дав мне упасть, и, не задерживаясь, потянул вверх край нижней рубашки.

Тонкий шелк потек по телу, и я послушно подняла руки вверх – договор есть договор.

Волосы черным водопадом упали из горловины на спину, на голые ягодицы, рассыпались волнистым после косы пологом. Темный, проводив завороженным взглядом этот поток, поймал на долю мгновения мой взгляд…

«Ну, теперь-то точно всё!» – подумала я, и мой взгляд против воли метнулся к широкой кровати.

А эльф ухмыльнулся и ме-е-едленно наклонился к моей груди.

Когда теплые губы коснулись нежной кожи, внизу живота что-то тревожно екнуло. Сейчас, без ткани, без стиснувшего грудь корсета, это ощущалось

совсем по-другому.

Поцеловал. Тягуче протянул языком горячий след до самой ареолы… Коснулся кончиком языка соска – и тот моментально затвердел, собравшись в горошину, и вокруг него тут же сомкнулись губы. Бесстыжие, не знающие приличий губы.

Это было неожиданно. Это было ярко. Это было… Невыносимо.

Пока я ловила ртом воздух, темный подлец переключился на вторую грудь, бесчестно и коварно укусил доверчиво открытую округлость, и это оказалось изумительно. Током, огненными стрелами ударили во все стороны новые ощущения.

Я стиснула кулаки. Сжала зубы.

– Ну же, лирелей, – со смешком укорил меня мерзавец. – Так вы на избавление от смертной казни не заработаете!

Дыши, Нэйти. Дыши.

Темный коснулся места укуса языком, нахальным и гладким. Зализал его. Взял в рот второй сосок.

Мысленный мой крик застрял в глотке, не вырвался наружу – но только до тех пор, пока эта темная сволочь не принялась посасывать свою добычу, то нежно, то грубо, то прикусывая, то перекатывая губами.

Я не кричала, нет. Я забыла, как дышать – где уж тут кричать-то?

Мужские ладони коснулись моих лопаток, и я вдруг поняла, что до этого он касался меня только губами. Ртом.

Что ж, зато теперь руки были везде. Гладили плечи, скользили по спине, сжимали ягодицы и бедра. И грудь, да. Когда он добрался до неё еще и руками, я с ослепительной ясностью поняла, что просто сойду с ума от перегрузки ощущениями.

Осознала это, смирилась, приняла – и отдалась этому бурному потоку.

И ухватила полностью одетого темного за плечи.

Ну, рехнусь – и рехнусь. Зато получу от этого удовольствие.

И мои ладони на мужских плечах словно стали сигналом, знаком темному: подхватив меня на руки, он в один шаг оказался возле кровати. Покрывало взлетело, словно гигантская рыба-скат, взмахнув мантией – и меня бережно опустили на белоснежную гладь постели.

Его рот смял мои губы – и первый поцелуй был неторопливым, смакующим, осторожным…

А моя первая мысль – «Так вот ты какая, знаменитая эльфийская меткость! После получаса попыток он-таки сумел найти цель!»

А потом мне стало не до ехидства, даже мысленного: разведка закончилась, и захватчик настырно устремился в глубь завоеванных территорий…

Напористые, голодные движения. Легкие укусы и волнующие касания. О да, хотя бы в этом мне повезло: этот мужчина явно умел обращаться с телом. И не только своим.

Голова шла кругом, и я погружалась в это чувство с упоением: нет сокрушительного провала, не нужно придумывать, как спасать ситуацию. Нет и не будет никакого завтра – есть только здесь и сейчас, и это восхитительное головокружение.

Я так устала барахтаться. Я хочу плыть по течению. Мне это нужно – хотя бы для того, чтобы набраться сил.

И течение не подвело: оно всё набирало ход.

Темный раздевался, не отрываясь от своего увлекательного дела.

Улетел в сторону камзол – а его хозяин проскользил ладонями и губами до моей груди.

«Ветер снова сбил эльфийскому стрелку прицел!» – сострила я на остатках ехидства и снова забыла напрочь обо всем, потому что губы… Руки! Потому что это, оказывается, просто безумно приятно, когда так трогают и так ласкают грудь.

Он приподнимает голову, смотрит на меня в упор, напряженно щурится – зрачки вдруг вытягиваются иглой – и тонкие лучи света, расчертившие пещеру-спальню, неожиданно складываются в новый узор. И скрещиваются на кровати. На нас: на мне – и на нем.

Так стыдно! Но так красиво…

Рубашка – прочь. И мой живот, ставший жертвой темной интервенции (о-о-о, какой жертвой!), сжался и напружинился – потому что горячие губы. И язык. И… и… И не трогай пупок!..

О, проклятье с тобой, делай что хочешь!

И в перекрестье лучей лунного света мне видны темноволосая макушка, кусочек острого уха и широкие плечи. Видны недолго: он делает с животом что-то такое, от чего я выгибаюсь в спине против воли, голова запрокидывается, а зажмуренные глаза – кажется, закатываются.

Что там и куда улетает из его одежды дальше, я не знаю и не смотрю: я вся в этих невероятных ощущениях и в попытках их принять и осознать.

Это так упоительно, что я слишком поздно понимаю, куда именно скользит по моему телу эта эльфийская сволочь.

«Нет! Не надо меня там целовать! Там не целуют! Не сметь!» – как бы говорят темному мои брыкающиеся ноги, и он с тихим щекотным смешком уступает.

Только для того, чтобы опуститься на меня сверху. Лицо к лицу, грудь к груди – ну и дальше, что там ниже…

И удивительное дело! Там, на полу, мы были разных размеров: он выше, я мельче. А здесь, в постели – исключительным образом совпали. И всё сошлось. И всё везде отлично прилегло.

И я осторожно, сама не веря до конца, что это делаю, кладу ладони на его плечи. Они странные, они не гладкие под руками, и я чувствую какие-то как будто мелкие шрамы и линии, но очень быстро отвлекаюсь. Потому что это неважно. А важно то, что его колено в этот момент разводит мои бедра. И он прижимается к моему животу и тому, что ниже – своим животом.

…и тем, что ниже.

Прикосновение гладкое, нежное, шелковое.

Его ладони – на моих бедрах, и мои ноги широко разведены и приподняты в коленях, а прикосновения уже не прикосновения, а легкие, быстрые толчки, задевающие какую-то невероятно чувствительную точку и отдающиеся внутри чем-то новым, голодным…

А затем, не дав мне до конца погрузиться в анализ этих ощущений, он входит одним движением до конца.

Это не то, чтобы больно, хоть я и ждала, готовилась.

Это… странно. Я не понимаю, нравится мне или нет.

Темный замирает ненадолго, а потом начинает двигаться – напористо и упруго, и чувство тесноты постепенно исчезает, сменяется ощущением влажности, твердой плоти у меня внутри, скользящим движением…

Я прислушивалась к себе, стараясь отвлечься от неприятного и сосредоточиться на том, что нравится. И нравилось мне все больше. Все сильнее.

Горячо. Ярко.

Как будто фиолетовая и серебряная Вселенная. Как будто Бездна дышит голодом. Как будто каждая мышца во мне молит и кричит: еще! Приди!

Я не знаю, что должно прийти, но мне нужно это как можно скорее.

И я вгоняю ногти в спину мужчины, и кто-то из нас требовательно стонет – и это точно не он. И я двигаюсь ему навстречу, отчаянно торопясь туда, где серебряные и фиолетовые галактики порождают новые миры.

«Быстрей! Быстрее!» – мои руки еще сильнее впиваются в жесткие плечи.

И он спешит. Толкается внутрь меня. Трется. Скользит. Чтобы в какой-то невыносимо прекрасный момент мир замер. Остановился. Не только этот – все на свете миры.

А потом рухнул и разбился на осколки.

Фиолетовые. Серебряные. Ослепительные.

Глава 2

Эльфийская классика бывает разной. Она повторяет естественные природные мотивы, а потому может быть броской, лаконичной, воздушной, тяжеловесной…

В замке Алиэто-оф-Ксадель эльфийская классика пела оду паранойе: из спальни темноэльфийского ценителя шпионок не было ни одного выхода. По крайней мере, обнаружить сходу мне их не удалось, и чтобы попасть в ванную комнату, пришлось обратиться за помощью хозяину.

Сегодня у меня ночь откровений: я впервые в жизни была с мужчиной, впервые в жизни дала взятку собственным телом, впервые в жизни воспользовалась порталом, чтобы попасть в туалетную комнату.

Даже не знаю, что меня больше всего впечатлило.

Из одежды на мне было то, что удалось добыть – рубашка с эльфийского плеча. К моей одежде темный меня не пустил: только ухмыльнулся и руками развел,

когда я, прикрытая одними волосами, остановилась у защитного контура над горкой вещей и оглянулась на него.

Ах, да. Я шпионка. Артефакты. Мало ли.

Пришлось брать, что есть. Темноэльфийская ухмылка стала шире, но этого я предпочла не заметить.

Я бы тоже ухмылялась, доведись мне увидеть, как приличный с виду разумный надевает чужую (!) несвежую (!) вещь – еще и не по размеру.

Ванная комната оказалась еще одной пещерой.

Камень пола пульсировал под ногами теплом и уходил вниз ступенями, образовывая бассейн с террасами разной глубины. Вода лилась сверху, с карниза, и знакомая мне уже подсветка, больше всего похожая на украденные с поверхности лунные лучи, заточенные в подземельях, скрещивалась на этом потоке, дробилась, рассеивалась.

«Проклятые остроухие эстеты!» – подумала я.

И в этой мысли была огромная доля зависти.

В служебных покоях, отведенных наемному персоналу, ничего подобного не было.

Вода оказалась приятно горячеватой. И, стоя под теплым водопадом, я сосредоточено оттирала с себя чужие следы и прикосновения.

Крови на внутренней стороне было совсем мало, и я поторопилась ее смыть.

Испытывала я двойственные чувства по поводу этой крови. Одна часть меня чувствовала себя уязвленной – как так, мужчина, лишивший меня девственности, этого даже не заметил?! А другая осторожно радовалась – может, хорошо, что не заметил.

А может, конечно, и заметил. Но никак не прокомментировал.

А вообще, затянула я с этой стороной жизни. Давно следовало ее изучить.

Где было до сих пор твое научное любопытство, Нэйти?!

При воспоминании о «научном исследовании» по телу прошла волна дрожи, и соски чувствительно сжались… Уж изучила, так изучила.

Эльфийский водопад падал на меня сверху, дробился о макушку и, обнимая, стекал по плечам. Глубина озера-бассейна в этом месте не доставала мне до пупка, плескалась где-то около тазовых костей, и я невольно задумалась, докуда она доходила темному.

Представила, смутилась.

Купальные принадлежности обнаружились в нише за водопадом, защищенной от сырости чарами, и, натирая себя жесткой губкой, я наконец-то возвращалась из кисельного состояния.

Что мне делать дальше?

Что бы там ни вообразил себе темный, а «тот, кто отправил меня на это задание» меньше всего был склонен мною рисковать, и продумал пути отхода. И варианты у меня были.

Я со вздохом признала, что на самом деле проще всего было бы… остаться.

Потому что мои намерения остались неизменны – я должна спасти Тау.

И пусть в этом случае мои позиции, по сравнению со стартовыми, неизмеримо ухудшатся, но если я останусь в Алиэто-оф-Ксадель, то, возможно, мне выпадет шанс добраться до намеченной цели – и тогда уж я сумею его реализовать.

Значит, старый план останется в силе, и не придется спешно верстать из ничего новый – ведь я даже не представляю, как к этому делу подступиться.

И можно было бы даже попробовать через постель, раз уж так все вышло, получить от этого Старшего дополнительные сведения. Эльфы слишком закрытая раса, что темные, что светлые, и информация лишней не была бы.

Реши я остаться – не пришлось бы улепетывать от своры мстительных Теней, как заяц от гончих…

Но я слишком хорошо понимала, что в подобных играх мне с этим темным не тягаться. Даже если не учитывать, что эльфы слышат ложь (а не учитывать это было бы безумием), старшая темноэльфийская Тень – не моего ранга противник. Не моего опыта. Он переиграет меня с легкостью, еще до того, как я это замечу, сам выудит из меня всё, что я хотела бы скрыть – вместо того, чтобы обогатить знаниями меня.

А значит…

Что ж, значит, и нет никакого выбора.

Мэлрис эль-Алиэто

Я лежал на кровати, слегка прикрывшись одеялом, чтобы не смущать гостью, которая и так едва находила в себе силы поднять на меня васильковые глаза. Вставать и одеваться ради этого было лень, так что одеяло стало приемлемым компромиссом.

Лежал, прикрыв глаза и чутко вслушиваясь в происходящее в ванной комнате. Там журчала вода, лаская девичье тело чуть иначе, чем это делал я., и я не то, чтобы ей завидовал, но…

Ничего. Успеется.

По телу растеклась сытая истома, и общее самочувствие было – как от хорошо проделанной работы: легкое самодовольство, моральное удовлетворение и приятная расслабленность в мышцах.

Чуть шевельнув лопатками, на которых (спасибо легендарной эльфийской регенерации!) уже затягивались саднящие царапины, я с заслуженной

гордостью констатировал: да! Работа по вербовке была проделана хорошо!

Есть всё же нечто притягательное в женщине, надевшей твою рубашку, подумал я, перекатывая в голове воспоминания, довольствуясь картинкой памяти, пока вербуемая (практически завербованная!) девушка скрылась из поля зрения. Что-то, взывающее к позабытым инстинктам. Что-то от признания покровительства.

Изначально программа вербовки была шире. Я бы даже сказал – глубже. И уж точно – длительнее. Но девственность озаренной гостьи несколько изменила планы.

А также – меняла вероятные расклады, позволяя, к примеру, исключить профессиональный шпионаж. Профессионалкам отсутствие опыта помеха, а не помощь. Из оставшихся версий наиболее вероятными мне виделись две: человеческий Мастер Теней разглядел в лирелей Ирондель Даркнайт то, что разглядеть не должен был, чем-то зацепил и отправил ее вскрывать сокровищницу Алиэто-оф-Ксадель.

Либо – имеет место частный интерес.

В первом случае речь шла уже о крайне серьезной утечке: особый статус озаренных вдохновением в эльфийских домах стал известен инородцам.

Был еще третий вариант: невинность озаренной – восстановленная. И значит где-то есть ценитель, под которого делалась эта заготовка. Но, во-первых, почему в таком случае лирелей не постаралась «продать» мне невинность как можно дороже? А, во-вторых, против этой версии восставал весь мой мужской опыт, возмущенно свидетельствуя, что целомудрие гостьи – натуральнейшее, без фальши, подтасовок и магического восстановления девственной плевы.

Я был склонен со своим опытом согласиться.

Завтра сообщу Корзе о происшествии, пусть берут лирелей в разработку, отслеживают связи. В первую очередь – отработать тех, с кем контактировала здесь, в замке, и выявить предпочтения.

Озаренная – большая ценность и удача, в сравнении с этим попытка влезть в мою сокровищницу – невинная шалость, о которой и упоминать-то неловко.

А вот возможная утечка информации о ценности озаренных вдохновением для обоих эльфийских народов, о самом их существовании…

В этом месте плавное течение моих мыслей прервал всплеск силы.

Очень узнаваемой силы.

Абсолютно невозможной здесь и сейчас.

Томную лень смыло с меня в один миг, я слетел с постели, на ходу открывая портал в купальни…

…межмировой переход осыпался искрами не полностью выгоревшей силы, ловчее заклинание пролетело сквозь этот след, ударилось о стену и расплескалось по ней бесполезными нитями.

Моя «практически завербованная» гостья сбежала у меня из-под носа, из моих личных покоев, в которых по умолчанию недоступна любая магия, кроме моей, из замка, полностью закрытого от межмировых переходов.

Прекрасно.

Корза эль-Талаф явился в мой кабинет незамедлительно, стоило только отправить зов, и выглядел безукоризненно – камзол в безупречном порядке, прическа волосок к волоску.

– Ирондель Даркнайт, – озвучил я, не тратя лишних слов.

– Даркнайт Ирондель, человек, двадцати пяти лет, в Алиэто-оф-Ксадель около полугода, служит секретарем младшего эль-ассари[3 - Темноэльфийский специалист по связям с инородной общественностью]. – без запинки начал излагать сведения Мастер Теней.

По нему никак нельзя было заподозрить, что вопрос стал для него неожиданным: абсолютная память старого Корзы давно стала легендой.

– Урожденная простолюдинка, урожденная гражданка Империи, бывший мастер-наставник одной из человеческих академий магии, сирота, замужем не была, в предосудительных связях не замечена, – он ненадолго задумался, перебирая известные ему об этой особе факты, и резюмировал, – Ничего интересного, вериалис.

Ничего интересного.

Действительно.

Совершенно ничего.

И я вкрадчиво поинтересовался:

– Скажи, а тебе не показалось «интересным», – я выделил голосом это слово, – что маг уровня мастера-наставника вдруг резко понижает свой социальный статус и идет перебирать бумажки к младшему секретарю старшего помощника?

– Показалось, – почтительно наклонил голову эль-Талаф, игнорируя мой сарказм. – Дополнительная проверка выявила, что по прошлому месту службы лирелей имел место внутренний скандал, касавшийся оскорбления чести незамужней простолюдинки со стороны непосредственного начальника. Скандал замяли: в приватном разговоре с нашей Тенью руководитель лирелей клялся, что принес ей извинения и что не имел в виду ничего предосудительного – и был искренен при этом. Но, очевидно, лирелей все равно сочла себя задетой и покинула место службы. Учитывая, что в человеческих мирах женщине, даже одаренной и образованной, не так просто отыскать достойное место…

Он чуть шевельнул ухом, обозначая, что не видит ничего удивительного, что лирелей в конце концов оказалась у нас.

Я молча послал Мастеру Теней проекцию, дающую полное представление о том, что именно Ирондель Даркнайт проделала с сокровищницей Цитадели-над-

Радугой.

– О-о-о, – восхищенно выдохнул эль-Талаф, известный ценитель мастерства и тонкого искусства. – Какая… прелесть. Если человеческих магов теперь так учат… – он шевельнул пальцами, разворачивая проекцию новым ракурсом, и блаженно вздохнул:

– Изумительно. Могу ли я узнать, где лирелей сейчас?

– От всего сердца надеюсь, что да, – благосклонно отозвался я.

И уже совсем другим тоном спросил:

– Корза эль-Талаф! Известно ли тебе, что последние полгода приказы на подпись младшему эль-ассари дома Алиэто носила озаренная вдохновением?

Зрачки Мастера Теней дрогнули – единственное проявление эмоций, которое он себе позволил в ответ на мой вопрос. И на сопровождавшее его давление.

А затем – максимально раскрылся.

Старый Корза, при всех недостатках его паскудного характера, знал, когда лучше не нарываться.

Поэтому на заданный вопрос он отвечал, глядя мне в глаза и выбрав максимально подробную и однозначную формулировку:

– Нет, вериалис. Мне не было известно, что секретарь младшего эль-ассари, человек Даркнайт Ирондель, является озаренной.

Люди считают, что все эльфы слышат ложь.

И хоть мой народ не спешит развенчивать это мнение, оно не совсем верно: данное умение является привилегией Старших нашего народа. Но даже Старшего эльфа можно попробовать обмануть игрой смыслов и значений.

И если бы Корза эль-Талаф вместо внятного, не допускающего двояких толкований ответа на мой вопрос, начал юлить, это стало бы его приговором. И мы оба это знали.

Что ж. Пожалуй, в его ответе мне не к чему было придраться.

– Около двадцати минут назад Ирондель Даркнайт покинула мои покои, миновав при этом блокировку и щит. Лирелей необходимо разыскать и вернуть – почтительно, как ты понимаешь. Еще раз повторяю: я лично давал озаренной гарантии безопасности, и, если я сочту, что мое слово было нарушено… – я помолчал, позволяя старому хрычу додумать последствия самостоятельно.

– Будет исполнено, вериалис, – склонил голову в малом поклоне Мастер Теней, и отправился к выходу из кабинета, получив безмолвное разрешение.

Какая занятная жизнь была у лирелей Ирондель Даркнайт.

Мой кабинет (личный, а не официальный) нынче выглядел, будто комната Памяти этой девицы (хотя уже и не девицы): два портрета – копия, снятая из личного дела мастера-наставника, и копия, снятая с портрета в галерее почета академии, обрамляли входные двери с обеих сторон. На обоих изображениях лирелей выглядела слабой тенью себя настоящей – блеклая, невыразительная, незаметная. Серая мышь, не имеющая ничего общего с жемчужным чудом. Проекции с мест славных деяний бывшего секретаря эль-ассари, мягко мерцали, зависнув над рабочим столом. Сам стол завален отчетами подчиненных старого Корзы.

«– Ирондель? Даркнайт? Да, прекрасно помню, такая тихая, скромная… Очень талантливая девушка – и наставник отменный, и маг на редкость умелый. Она ведь слабосилок была, вы знаете? Там, где другим было достаточно движения ресниц, ей приходилось долго и сложно колдовать, использовать подпорки из формул и плетений… Уж не знаю, как наши замшелые пни взяли ее в штат – в Академии довольно жесткие требования к уровню дара – но то, что взяли, это большая, большая удача для всех нас. Она оказалась очень талантливым преподавателем!» – доносился из кристалла голос одного из бывших коллег озаренной.

Согласен. Чрезвычайно умелый маг. Но слабосилок? Да полно, лирелей едва ли существенно слабее меня.

Я откинулся в кресле, прикрыв глаза и сцепив руки на затылке, слушал магическую запись, одну из приложенных к отчету подчиненным Мастера Теней. Магический кристалл неторопливо вращался над ложем подсвеченной подставки, бросая на стены и мои закрытые веки узорные тени.

«– Такая славная барышня! Серенькая, но заставить себя уважать умела. И такая скромная, бескорыстная… Вы знаете, сколько у нее было авторских плетений? Другому бы хватило именную школу основать! А Ирондель их даже не патентовала. Да, касательно именной школы я погорячилась – никто не позволил бы простолюдинке прыгнуть выше головы, а выгрызать это право ей не хватило бы характера: она была тихая, скромная девочка без происхождения и покровителей. Со стержнем, да – но не настолько. Но если бы Ирондель свои разработки хотя бы патентовала – она, как минимум, могла бы их продавать. На ее лекции из других академий слушатели приезжали! А она жила на одно академическое содержание. Поймите правильно, в Алых Башнях весьма достойное жалование, но… не для молодой девушки!» – женский голос с надменными и властными интонациями был полон раздражения и сожаления. Типичная старая карга, но к моей беглянке расположена вполне благожелательно. Впрочем, это вряд ли мешало ей третировать молодую коллегу при каждом удобном случае.

А потом эта «молодая коллега» сбежала из-под носа у одного самоуверенного барана – хоть это и считалось невозможным.

Большой багаж авторских плетений и отточенный навык их создания. Звезды, какая же прелесть эта девочка!

Я чувствовал, что против воли улыбаюсь: несмотря на болезненный щелчок, отвешенный моему эго, несмотря на все связанные с ней странности и некоторые плохо стыкующиеся друг с другом детали, Ирондель Даркнайт вгоняла меня в восхищенное любование даже своим отсутствием.

«– Почему ее разработками не заинтересовалась ваша академия?» – голос Тени, в противовес собеседнице, звучал нейтрально-благожелательно.

И ответ старухи: «Заклинания Ирондель были сплошь направлены на то, чтобы при задействовании малых сил и управлении слабыми потоками получить равный с сильным магом результат. Алые Башни – императорская академия, одна из престижнейших в столице. Здесь никого не волнуют проблемы слабосилков».

И судя по голосу, ей действительно было жаль.

Я же разделить её сожаления никак не мог.

С момента присоединения эльфийских миров к с земель Империи почти тысячу лет назад, эльфы, что темные, что светлые, оставались её гражданами довольно формально: подписывая позорную для нас капитуляцию, предки сумели вырвать у победителей право на самоуправление. Элг Завоеватель хотел подчинить наши народы, а не уничтожить, и, понимая, что в ином случае мы будем драться до последней капли крови, принял это условие. Эльфы же максимально замкнулись внутри своих территорий, сведя сношения с внешним миром и собственным сюзереном (особенно – с собственным сюзереном) к неизбежному очерченному договоренностями минимуму.

С той поры и по сей день эльфийские домены – самые закрытые миры империи. Обязательных инородцев, навязанных империей, мы стали брать на службу около двухсот лет назад, когда истекли все сроки выторгованных отсрочек.

И с тех пор – и по сей день – Империя не переставала искать возможность нарастить свое присутствие в мирах эльфов.

В отличие от человеческой старухи, сожалеющей об упускаемых людьми возможностях, я испытывал глубокое моральное удовлетворение от понимания, какой прекрасный шанс люди упустили, «не интересуясь проблемами слабосилков», а в частности – разработками Ирондель Даркнайт.

Приятно, звезды побери, понимать, что не я один её недооценил!

Я сменил позу, шевельнул пальцами – и свиток с досье на лирелей скакнул мне в руки.

«Родилась в 8673 году в Лиотро, Джиоврил, была зачислена в магическую академию Короля-Мага Неце Мудрейшего в 8688-м»

Как подсказывала мне память, Джиоврил – благополучный магический мир, коренные имперские территории, у людей он считает одним из основных центров магической науки. Лиотро – его столица, а академия Неце известна далеко за пределами родного домена.

Биографию лирелей я знал уже наизусть, мог без свитка цитировать: в семнадцать лет лишилась отца в результате несчастного случая, к восемнадцати потеряла мать и осталась круглой сиротой, без братьев, сестер и сколько-либо близких родственников. В двадцать лет закончила обучение (диплом с отличием), получила предложение остаться в альма-матер – и пометка, сделанная рукой Тени, гласит, что это неслыханный случай, с учетом того, что конкурс на рабочее место в этой академии чрезвычайно высок.

Она же предложение отклонила, отправилась в столицу Империи – и через год уже носила мантию преподавателя теоретической магии в императорской магической академии Алые Башни.

Вроде бы, логично? Логично – да не очень.

Потому что дальше начинаются чудеса.

Время преподавания Ирондель Даркнайт в Алых Башнях – единственный отрезок ее жизни, который можно считать полностью подтвержденным: не только документально, но и показаниями свидетелей. Но при этом никто на новом месте не был осведомлен, насколько успешно их коллега училась в Лиотро – а большая часть не знала даже об академии Неце, не то, что о дипломе с отличием или беспрецедентном предложении.

Хотя, как мне видится, такие детали существенно укрепили бы авторитет молодой преподавательницы. Настолько молодой, что старше нее были не только все коллеги, но и часть студентов.

Но это хоть и наводит на размышления, основанием для тревоги все же не является.

А вот то, что любая попытка получить чуть больше информации касательно жизни девушки в Лиотро оканчивается провалом – беспокоит.

И вроде бы, документы, проверенные Тенями со всем тщанием, не врут – а вот свидетели…

Свидетели, впрочем, тоже не врут – они просто отказываются говорить. Да, училась. Да, знали. Нет, мы не предоставляем информации о наших студентах третьим лицам – обратитесь с официальным запросом. А на официальный запрос – такая же официальная отписка.

Это в тех случаях, когда свидетелей в принципе удалось найти. Пожар, лишивший девушку отца и подорвавший здоровье матери, знаете ли, выкосил большую часть круга ее ранних знакомств… Какая-то повышенная смертность среди разумных, знавших Ирондель Даркнайт в годы ее детства и ранней юности.

Паучий шелк свернулся, и я задумчиво похлопал себя по ладони свитком.

Чудеса-чудеса… Что за чудеса вокруг тебя, Даркнайт Ирондель?

Хмыкнув, я закинул досье лирелей в горку прочих посвященных ей свитков, установил на подставку кристалл с допросом её бывшего начальника и закинул ноги на стол. В полумраке кабинета по стенам опять побежали резные тени, и кристалл воспроизвел новый голос.

«Такая гордая девочка… Слабая, но гордая… Богами клянусь, я не имел дурных намерений в отношении неё, даже в мыслях подобного не держал!» – нервно звучал голос в тишине моего кабинета.

Я снова хмыкнул. Тень, разделявший моё мнение, спросил с предельной вежливостью, за которой человеческое ухо не в силах было расслышать насмешку:

«– Скажите, у вас был доступ к личному делу Ирондель Даркнайт?

– Да, конечно, – теперь человек был явно растерян.

– Вы в него заглядывали?

– Да знаете, как-то не доводилось… Не возникало, знаете ли, необходимости…»

Старый дурень. В Алых Башнях проводят магическое тестирование преподавателей при найме – там действительно очень придирчиво относятся к уровню дара.

И загляни он в личное дело «бедной слабой девочки» – был бы весьма удивлен.

Я задумался, вспоминая непривычную человеческую систему измерения: первые два ранга – «крайне слабый» и «слабый» – не котируются и зачастую даже не принимаются к обучению. У магов с усредненным уровнем силы перспективы уже лучше, хотя их зачастую тоже пренебрежительно относят в разряд «слабосилков».

Но перспективными и стоящими развития у людей считаются ранги начиная с «выше среднего» и дальше – «сильный», «необычайно сильный», «феноменально сильный», «уникум»…

В ее личном деле из Алых Башен красовалась честная отметка «необычайно сильный». По эльфийской градации – уверенное «золото». До платины существенно не дотягивал, но даже золотой дар – это очень, очень ценно.

И это при том, что эльфы – изначально магическая раса.

И вот с таким потенциалом, при наличии достоверного показателя силы в личном деле, Ирондель Даркнайт создала себе репутацию бессильной медяшки.

Тихой серой скромницы.

…белое тело – совершенное, идеальное – молочно светилось в пересечении лунных лучей. Рассыпавшиеся волосы, бескомпромиссно-черные, создавали контраст и усиливали ощущение нереальности, сказочности выгнувшейся на моей постели женщины.

Тонкие, практически безупречные черты лица, глубокая синева глаз, нежный шелк губ… Как это совершенство кто-то мог назвать серостью?

И тем не менее, именно такой репутацией пользовалась Ирондель Даркнайт, мастер чар, мастер-наставник, озаренная вдохновением: тихая, скромная, незаметная девочка, без отличительных черт, покровителей и привязанностей.

* * *

Полукровка явился на третий день поисков.

В другой раз я бы даже порадовался: несмотря на множество разделяющих (и даже противопоставляющих) нас обстоятельств, я, пожалуй, мог назвать его другом – правда, это был тот особый вид дружбы, когда с удовольствием окунаешь приятеля в лужу, и всеми силами стараешься не позволить ему проделать то же самое с собой.

Но нынче мне было совершенно не до него: увлекательная головоломка в лице прекрасной озаренной никак не желала складываться.

Разделял ли Тайернан Сомхэрл, императорский порученец, воин, маг, признанный бастард одного из имперских Старших Домов, на заре своего восхождения курировавший эльфийские провинции Великой Империи, мое отношение к дружбе – неизвестно, но в любом случае, на его наглость это никак не влияло.

В кабинете – официальном, а не личном, само собой – сидячее место было только одно, хозяйское. Остальным надлежало стоять. Полукровка проигнорировал это с невозмутимостью, выдающей большой опыт. Созданное им кресло безупречно вписывалось в интерьер стилем, контрастировало с ним цветовым решением и было роскошнее моего, идеально отображая расстановку сил, взаимоотношений и самомнений.

Тягучие приветствия и витиеватые словесные расшаркивания мой народ давно оставил нашим светлым братьям и официальным протоколам. Так что обошлись без них.

– Чем обязан, лорд Сомхэрл? – с прохладной вежливостью поинтересовался я.

– Чем вызван интерес Теней дома Алиэто к госпоже Даркнайт Ирондель?

И обрыв интонации однозначно намекнул, что у этой фразы есть продолжение.

– Кто такая Даркнайт Ирондель? – изобразил я умеренное недоумение.

– Эраро! – полукровка старательно вложив в одно слово все вариации укоризны.

С точки зрения имперского этикета, полукровка был выше меня по положению, с точки зрения темноэльфийской иерархии, любой инородец неизмеримо ниже любого темного. «Эраро», обращение равного к равному, было компромиссом, который, кривясь и морщась, принимали обе стороны.

Полукровка же продолжил:

– Я мог бы сейчас воспользоваться преимуществами моего положения, потребовать доставить сюда девушку, которая, по моим сведениям, несколько месяцев служит вашему Дому – и тебе пришлось бы ее предъявить, но…

Я не снизошел до вопроса. Ограничился изгибом брови, который полукровке в жизни не повторить в силу физиологии: но?..

– Баш на баш? – по-мещански вздохнул бастард.

– Согласен. Ты первый, – вот в чем-в чем, а в умении найти подход к собеседнику Тайернану Сомхэрлу не откажешь, и сейчас я заглотил наживку, почуяв, что дело пахнет ответами на мои вопросы.

– Почему это я первый? – зубасто улыбнулся полукровка, принимая мой тон и легко отбрасывая даже тот минимум церемоний, что соблюдался до этого.

– Потому что я уже обещал. А эльфы – не лгут.

Мое легкое движение ухом, подразумевающее «в отличие от вас, людишек» полукровка проигнорировал.

– Обещал, – согласился он. – Только что ты, Мэлрис эль-Алиэто, обещал?

Что, что… эльфы не лгут. Просто вдумчиво подходят к формулировкам.
А предложенная бастардом «баш на баш» была столь удачно обтекаема, что сами звезды велели попробовать!

Но смотрел на собеседника я очень честно и негодующе: как он мог так обо мне подумать?!

Полукровка уступил первым: едва ощутимо усмехнувшись, он тягуче, нараспев, произнес:

– Я, Тайернан Сомхэрл, даю слово рассказать Мэлрису эль-Алиэто всё, что знаю о девице Даркнайт Ирондель, до тех пор, пока это не противоречит другим клятвам.

– Спрашивай.

Инородцы, конечно, могут лгать и лгут. Но репутация полукровки была весомым доказательством того, что данное слово он не нарушит.

– Как она вообще попала в услужение к вашему Дому? – выбрал он наконец первый вопрос.

– Обыкновенно, – позволил я себе скучающий тон. – По требованию Империи, мы обязаны брать на работу человеческих сотрудников, – и саркастично добавил: – Чтобы был официальный канал внедрения к нам ваших шпионов. Ирондель Даркнайт подала анкету общим порядком. У нее было прекрасное резюме – скажем, даже несколько избыточно прекрасное… Но причина, по которой лирелей покинула прошлое место службы, выглядела совершенно прозрачной: старый хрыч позволил себе излишне свободное обращение с подчиненной, девушка, чувствуя уязвимость своего положения, излишне остро отреагировала. Возможно, не сочла извинения искренними, возможно, не посчитала их достаточными. Возможно, уязвленная гордость не позволила остаться на старом

месте службы. В любом случае, подобный шаг выглядел… уместным. В остальном же ее репутация была безупречна: ни сомнительных связей, ни порочащих имя поступков… У нас не было оснований поставить ее кандидатуру под сомнение.

Мы помолчали.

За окном елеш-тей, растение-страж, заклинаемое на кровь и этой крови преданное, трепетало полупрозрачными алыми листьями, бросая на пол, стены и полукровку розоватые резные тени.

– Её полное имя – Даркнайт Ирондель Янтарная, – неторопливо приступил к выполнению своего обещания Тай.

А мне с трудом удалось удержать на лице маску равнодушного внимания: чутье подсказывало, что бастард дома Сомхэрл говорил правду. Но это было невозможно, потому что и девушка, отвечая на мой вопрос о ее полном имени – тоже говорила правду. И, тем не менее, «Даркнайт Ирондель» и «Даркнайт Ирондель Янтарная» – это два принципиально разных человека.

Левый клык, когда-то поврежденный в бою и вроде бы полностью исцеленный, противно заныл, предсказывая проблемы.

– …Родом из Янтарного мира в содружестве миров Самоцветного Ожерелья, – продолжал полукровка.

Никаких активных ассоциаций с этими названиями у меня не было: Ожерелье миров, это, вроде бы, какое-то захолустье в составе империи. Про Янтарный я и вовсе не слышал. Глухомань, дальние окраины Ойкумены.

Но вот то, что лирелей «Янтарная» из «Янтарного мира»… Носить имя мира – привилегия хозяев этого мира. А она сумела обмануть моё чутье и назваться простолюдинкой. В чем еще она сумела соврать? И, главное, сколько еще людей владеет таким навыком.

Зуб заныл еще противнее. Это больше не было делом о проникновении в мою сокровищницу. Это больше не было моим личным делом.

И только пульсировало в висках противным ритмом: как так вышло? Почему ты ничего не заметил, Мэлрис Каменная Радуга?

– Около восьми лет назад князь Янтарный был казнен за участие в заговоре против Императора. Его вина была бесспорна. В отношении княгини следствие длилось почти год, но в итоге и ее признали виновной и приговорили к смерти.

В целом, то, что говорил Тэй Сомхэрл, укладывалось в официальную биографию лирелей: отец умер восемь лет назад, мать – через год после него…

Различия таились в деталях. В существенных таких деталях.

– Причастность же к заговору двух дочерей княжеской четы не подтвердилась. Его императорское величество, вынося приговор, принял это во внимание. Княжон не казнили. Более того, император был настолько великодушен, что и не стал наказывать девушек ни ссылкой, ни опалой. Их освободили от родового имени и родственных уз с князем, замаравшим честь аристократа, и, избавив от позорного клейма дочерей заговорщика, отпустили на все четыре стороны, позволив начать новую жизнь с чистого листа.

Я слушал полукровку с вежливым интересом на лице и с искренним восхищением в душе: какой невероятно широкий жест совершил владыка Великой Империи!

Какое неизмеримое благородство! Освободил дочерей преступника от позорного родства!

…и вместе с ним – от поколений предков, связей, дальних родственников, родовых заслуг.

Ну и от наследства заодно тоже освободил. Всё, некогда принадлежавшее князю Янтарному, если и проскользнуло чудом мимо цепких рук императорской канцелярии, стало недоступно его детям.

Прекрасная месть. По-темноэльфийски изощренная. Даже удивительно, что свершил ее человек.

Что ж, по крайней мере, моё подозрение оказалось беспочвенным: люди так и не нашли способа обманывать наше чутье на ложь. Одно это уже свалило с моих плеч камень размером с Алиэто-оф-Ксадель.

– По окончании разбирательства Даркнайт Ирондель вернулась к обучению – благо, плата была внесена вперед и в полном объеме. Закончила академию Неце. После этого могла бы прекрасно выйти замуж, пусть и не за ровню по происхождению, но тем не менее, у нее были все шансы сделать удачную партию: ее лишили имени и наследства, но кровь в её жилах текла всё та же. Такая кровь – сама по себе ценное приданое, девушку охотно взяли бы в семью ради дара, как ее собственного, так и для будущих детей… Но она предпочла получить место преподавателя в Алых Башнях. Несмотря на широкий круг общения и вполне активную социальную жизнь, близких привязанностей не заводила. Да, ты верно понял: за ней присматривали несмотря ни на что. Но Даркнайт Ирондель контактов с кем-либо из прошлого не поддерживала, ни во что сомнительное не лезла, возилась со своей системой заклинаний для слабосилков – подозреваю, что намеренно выбрала бесперспективную тему, которая гарантировано не привлечет к ней внимания Тайной Канцелярии. Словом, вела тихий и скучный образ жизни. А потом вдруг внезапно сменила место службы – и через полгода ее жизнь вдруг начали перетряхивать твои Тени. Итак, Алиэто, чем вызван интерес Теней дома Алиэто к госпоже Даркнайт Ирондель?

Вот мы и вернулись к тому, с чего начали наш прекрасный, полный чудесных открытий разговор. Я протянул руку сквозь Грани, достал из запасника бутылку вина, хрустнул пробкой. Разлил чернильно-синюю жидкость с серебристыми искорками магии по бокалам.

– А место службы она точно сменила «вдруг» и «внезапно»? – поинтересовался я. – Потому что через полгода службы моему дому, она попыталась взломать сокровищницу Алиэто-оф-Ксадель, была схвачена с поличным, после чего сбежала из-под стражи, открыв портал из помещения с магической блокировкой. Сам понимаешь, «вдруг» и «внезапно», без весомых причин, таких резких карьерных поворотов не делают.

Лорд Сомхэрл, внимавший перечню свершений небезызвестной лирелей с выражением глубочайшей задумчивости на лице, на последние мои слова пробормотал:

– Может, она просто устала существовать на оклад преподавателя, и решила поправить свои дела, чтобы снова жить в роскоши, как во времена ее отца? – и сделал щедрый глоток из бокала.

– Мэл, тебе доводилось бывать в Самоцветном ожерелье? – спросил он вдруг после того, как мы помолчали, отдавая должное букету вина и новостей. – Забавное содружество миров. Они там верят, что судьбы не существует, не признают над собой богов и поклоняются великому ничто. А вместо жрецов ходят к Оракулам.

– Люди, которые не верят в предопределенность будущего, верят в ясновидящих? – скептически уточнил я.

– Не совсем. Они считают, что их Оракулы видят не будущее, а правду. Варварские миры, дикие порядки, которые не понять истинно цивилизованным людям: например, женщины у них наследуют наравне с мужчинами…

– Как у эльфов, – поддакнул я.

Самоцветное ожерелье начинало мне нравиться: надо же, люди-люди, а светлые проблески случаются!

– Как у эльфов, – невозмутимо согласился Сомхэрл, сделав вид, что это была не шпилька. – Но я не об этом. Так вот, там принято, что родители дают ребенку только второе имя. Первое нарекает Оракул. Ему приносят младенца, он смотрит, и, как верят местные, видит его суть. Основу. Ту совокупность черт и качеств, которые не зависят от воспитания, а, по тамошним верованиям, дана человеку от рождения. У них считается, что это имя – маяк. Оно поможет человеку найти дорогу к себе, потому что определяет его личность.

Он покачал вино в бокале, не спеша делать новый глоток, а просто сосредоточенно наблюдая танец серебристых искр в темном водовороте.

– Знаешь, что означает имя этой девицы?

– Ласточка? – я тоже сделал глоток вина и полюбовался бликами на его поверхности.

– Она и тебе сумела это продать? – хмыкнул Сомхэрл. – Оракул нарек ее Даркнайт, темная ночь. Я, кстати, считал это одним из доказательств, что все эти оракулы и прочие ясновидящие – полный бред. Ну какая из этой беспомощной домашней девочки Темная ночь? С какой стати? Теперь, кажется, понимаю – с какой…

Мне категорически не нравилось ни то, каким тоном полукровка говорил об Ирон… то есть, Даркнайт, ни то, какие он выбирал выражения. Но сообщать, что лирелей находится под моим покровительством сейчас было бы не ко времени: сперва стоило лирелей под это покровительство вернуть.

Поэтому я достаточно равнодушно поинтересовался не важной, но заинтересовавшей мелочью:

– Что значит «она и тебе сумела это продать»?

– Ах, да. Я же не сказал! – Сомхэрл невесело усмехнулся. – Оракул может выбрать в качестве имени ребенку любое слово, которое посчитает подходящим и наиболее полно его характеризующим. Это имя всегда стоит первым, а родительское – уже после него. Сколько бы родители имен чаду ни дали. Когда волей императора девицу лишили родового имени, у неё осталось два личных. Она попросила сделать первое имя – родовым.

Снова помолчали.

И, сделав очередной глоток, я заключил:

– Ну, что ж. Причину повышенного интереса дома Алиэто к лирелей Даркнайт Ирондель мы прояснили, и раз уж в ней нет никакой высокой (равно как и низкой) политики, а одно лишь честное ограбление, да и то несостоявшееся, думаю, тайная канцелярия согласится, что такое мелкое происшествие не стоит её драгоценного внимания, является нашим внутренним делом, и мы прекрасно разберемся с ним сами. Со своей стороны, могу обещать, что лирелей Даркнайт Ирондель ответит перед законом по всей строгости темноэльфийского кодекса…

Полукровка, проигнорировав вежливый намек (увы, выпроводить его невежливо мешал тот самый договор моего народа с Элгом Завоевателем), уставился мне в глаза, явно прикидывая что-то в мыслях.

Я не торопил, со скучающим выражением разглядывая, как стекает вино по стенкам бокала.

– Мэлрис, у меня есть сведения, которые не подпадают под нашу договоренность об обмене информацией относительно Даркнайт Ирондель, – определился наконец с решением он. – Но эти сведения способны пролить свет на причины, сподвигнувшие её на столь неожиданные действия, а также, возможно, на ее нынешнее местонахождение. И, признаю, у меня есть в этом деле свой интерес. Я думаю, мы могли бы быть друг другу полезны.

Глава 3

Даркнайт Ирондель Янтарная

Ветер свистел и крутил снег вихрями. Зачерпывал, переплетал, швырял пригоршнями – по меркам Сумёта, погода вполне приличная. Правда, стоит только наивному чужаку поверить на слово оброненному «приличная» и выглянуть на улицу, из него тут же выдует всё, вплоть до скелета.

Тихая, укромная пещера под водопадами близ Алиэто-оф-Ксадель, присмотренная заранее, пригодилась – уходить с Улариэ, не позаботившись о следах, было бы опасно.

Там, в «перевалочном пункте», куда я выскочила переходом из покоев темного, я колдовала самозабвенно и до изнеможения, в полную силу, используя и заранее продуманный план побега, и внезапно поднявшуюся в душе волну безумного куража. Создавая ложные отпечатки и фальшивые следы, вплетая в них столько себя, что они становились почти истинными – и заставляя разбегаться их в разные стороны и в разные миры…

Ну а если кто-то все же сможет проследить мой путь, то его ждет сюрприз: здесь, в мире Сумёт, магические потоки столь быстры и неистовы, что остаточные эманации перехода размыло, стоило мне из него выйти – разыскивайте меня по всем здешним снегам, дорогие ищейки. Правда,

без магии: колдовать здесь почти невозможно, всё те же непредсказуемые потоки силы не позволят. Этому миру чужда логическая выверенность классической магии.

А связать меня с убежищем на Сумёте как-то иначе невозможно – его и подготовила-то не я.

Если не касаться силы и не выходить из убежища, здесь было даже здорово. Крохотный домик, который мой отец и охотничьим бы не назвал, ограничивался одной комнатой. Открытый камин, в котором сейчас вовсю гудело пламя, низкий грубо сколоченный стол да ворох мехов в углу – вот и вся обстановка.

А еще подпол, плотно забитый припасами, а еще тайники, из которых я нашла три, при том что о двух знала заранее, а в том, что их больше, я уверена, зная человека, готовившего это убежище… Да, отсиживаться на Сумёте можно было бы сколь угодно долго, дожидаясь, пока темным не надоест без толку суетиться.

А придется ограничиться неделей – каждый новый день, проведенный в уютной теплой безопасности заснеженной избушки, ложился камнем на мою совесть.

Я прекрасно помнила, какой ценой оплачивался каждый из этих дней.

Будь моя воля, я бы продолжила свои поиски уже сегодня.

Но неделя – это абсолютный минимум, необходимый мне для восстановления сил после всего, что пришлось сотворить за последние сутки. Я не могу позволить себе оказаться беззащитной. Да и самые активные поиски лучше переждать.

Зато сейчас у меня есть возможность выдохнуть. Прийти в себя. Продумать дальнейшие действия.

Голод утих, удовлетворенный хлебом и копченым мясом из запасов убежища: готовить не было сил. Да и желания – не было. Мой безумный рывок из Алиэто-оф-Ксадель, на пределе сил (а по здравом размышлении – далеко за пределами), а вслед за ним – изощренная магия в пещере, вымотали меня так, что хотелось только лежать, лежать, зарывшись в меха, лежать еще сильней!

Здесь, в одном из тайников, была заботливо припрятана одежда. Теплый мех, полотно и добротная шерсть… Они касались тела совсем не так, как шелк эльфийской рубашки…

…рубашку темного я бросила в пещере – не нужно нам чужого! Особенно такого чужого, за которое потом какой-нибудь умник сможет зацепиться поиском. Да и пуговицы там подозрительные, мало ли, какие заклинания на них повешены. Я неплохо разбираюсь в артефактах, потому уверена, что не смогла бы их разорвать…

…разорвать рубашку так и не удалось – в мстительном порыве, я потратила на это несколько драгоценных мгновений, пока не осознала бессмысленность своего поведения и не взяла себя в руки…

…руки темного скользили по моему телу бережно, пожалуй, слишком бережно – умело добиваясь моего ответа и удовольствия. И это странно – зачем тратить столько сил, чтобы получить то, что тебе и так дают?..

…дают вам двое суток на то, чтобы покинуть Янтарный мир. Вам запрещено когда-либо возвращаться в миры Самоцветного ожерелья…

Мысли скользили плавно, словно бусины по нити ожерелья.

…Самоцветное ожерелье, обернувшееся вокруг шеи Тау.

Она не любила его пестроцветья – предпочитала жемчуга, подчеркивающие ее собственную яркость, или рубины, алые, огненные, как она сама, и это ожерелье, статусное, церемониальное, надевала редко.

Янтарь, лазурит, гагат, перламутр, яшма…

Тринадцать бусин, разделенных резными шармами из благородной платины – по количеству миров Самоцветного Ожерелья.

Я лежала, закрыв глаза, зарывшись носом в мех. Бусины в моей голове щелкали, сталкиваясь гладкими полированными боками, взблескивали загадочно и обещающе, и скользили, скользили по прочной тонкой нити, увлекая меня

в сон…

* * *

«Тудум-тудум-тудум!» – билось в груди.

Сердце, разогнанное страхом, стучало тамтамом. Алхимия этой эмоции насыщала кровь гормонами, нагнетала вместе с ней кислород в мышцы, обостряла внимание и реакцию… выводила все системы моего организма на работу в экстренном режиме.

Неделя отдыха на Сумёте закончилась, и через несколько минут я волевым усилием (и приемом из ментальной практики) задавлю страх, сотру его запах и выйду из своего убежища под козырьком какой-то лавки, будучи хладнокровной и собранной.

…этот трюк я освоила ещё со своей первой группой. Когда имеешь дело со студентами разных рас, часть из которых чувствительна к ментальному фону, другая большое значение придает языку тела и невербальным сигналам, а третьей ни к чему такие сложности, потому что всю эту информацию они считывают просто из запаха, умение превращать страх в преимущество – ценный навык.

Забавно, в каких обстоятельствах он снова мне пригодился.

Эльфийский народ разделился на две ветви так давно, что сейчас точной даты назвать никто не мог. Впрочем, тут следует сделать поправку – никто из не-эльфов назвать не мог. Я лично не сомневаюсь нисколько, что сами дивные помнят и даты, и инициаторов, и причины, по которым родовые ветви разделились по сторонам конфликта так, а не иначе.

Со временем раскол между эльфами лишь ширился – всё больше отдалялись языки, все сильнее разнились культурные традиции и даже основные фенотипы, всё глубже становилась взаимная неприязнь.

Но несмотря ни на что, у них всё еще оставалось много общего: острые уши, глубокая нелюбовь к человеческой империи, присоединившей к себе эльфийские

миры, высокомерное презрение ко всем, кто не эльф, и магия.

Улучшались техники, оттачивались приемы, совершенствовались методики – но суть темноэльфийской магии оставалась той же, что у их светлых родичей.

И до сих пор наиболее эффективно против светлых эльфов работают приемы их темных собратьев.

Поэтому я и шла сейчас по хмурой слякоти Восьмого Гномьего мира, укутавшись в теплый плащ и магическую защиту, на встречу с посредником, который выведет меня на специалистов по проникновению куда угодно с целью добыть что угодно.

Вода падала сверху серой моросью, противной взвесью, стекала с капюшона моего дождевика и чавкала под ногами грязными ручьями. Именно за этот чудесный климат, делавший магический поиск если и не безнадежным, то весьма, весьма затрудненным, Восьмерку и облюбовали наемники разной степени законопослушности и прочие асоциальные элементы. Здесь тот еще крысятник, по правде говоря. Но, во-первых, я нынче, и сама в некотором роде загнанная в угол крыса, а во-вторых, если знать, к кому обратиться, купить здесь можно абсолютно всё. Я же нынче собиралась купить услугу по взлому темноэльфийской сокровищницы.

Буквы на вывеске кабака, где я назначила встречу, были по-гномьи основательными и угловатыми. Из дерева здесь не строят, в здешнем климате дерево гниет, порастает грибком и плесенью, не спасают никакие обработки, покрытия и пропитки: два-три года – и всё, добрые хозяева, меняйте крыльцо. Так что деревянные постройки в Восьмом Гномьем мире – роскошь. Зато здесь даже обычный кабак средней паршивости может позволить себе окна из настоящего гномьего стекла, – и сквозь них зазывно льется в дождливую хмарь желтый уютный свет.

Я мазнула невидящим взглядом по серому камню стен и буроватому – ступеней, на всякий случай сканируя их на магию, и потянула на себя дверное кольцо.

Стоило только шагнуть за порог, как меня окутали тепло и сытные запахи. Легеньким заклинанием высушив дождевик, я перекинула его через руку и, отказавшись от услуг мальчишки-полового, неторопливо пошла меж столов

в сторону отдельных кабинетов, отстраненно прислушиваясь к звуку своих шагов и своей магии.

Страховать себя я начала, как только переместилась сюда с Сумёта. Всегда спокойней, когда есть пути отхода.

Я уже бывала здесь, когда оставляла местной гильдии заказ на специалиста узкого профиля. Сегодня меня должны были свести с исполнителем.

Никогда бы в жизни я не пожелала себе оказаться там, где я оказалась – в гномьем кабаке «Железная жила», никогда бы не пожелала себе делать то, что я делаю…

Но каждый мой шаг приближал меня к цели. А значит, я там, где должна быть, и делаю то, что должно быть сделано.

И я не отступлюсь.

Живот не сводило характерной судорогой, и колени не слабели: я не чувствовала страха – ментальная установка работала прекрасна. Тело ощущалось легким и ловким, а мысли – четкими и кристально ясными.

И только сердце отсчитывало свой ритм чуть быстрее обычного: «Тудум, тудум, тудум».

И вот наконец дверь нужного кабинета прямо передо мной.

Сейчас станет ясно, приблизилась ли я к цели, или мне снова предстоит мучительный и кропотливый поиск.

Я потянула дверь на себя и вошла в кабинет.

…и узнала «исполнителя» мгновенно – стоило лишь железным пальцам сомкнуться на моем запястье и защелкнуть на нем артефакт-блокатор магии.

Этого темного эльфа я не забуду никогда!

«Бежать» – дернулись было инстинкты и заткнулись, задавленные разумом.

Вырываться – терять лицо, время и возможность реализовать хоть сколько-то выигрышный ход.

Магия – отрезана браслетом.

Снять… не знаю, смогу ли, но на попытки нет времени, а делать нужно что-то немедленно, именно сейчас!

Нужно что-то внезапное. Что-то, что собьет его с толку, отвлечет и даст выиграть время.

И, глядя на него глаза в глаза, чувствуя запястьем его пальцы как ожог, я шагнула вплотную к темному и поцеловала его.

Да, я определенно сбила его с толку.

Правда, сориентировалась остроухая погань мгновенно. Миг – и он перехватил инициативу, ладони сжались на моих руках стальными капканами, и, прижав меня к двери кабинета, он требовательно впился в мои губы, продлевая и углубляя поцелуй.

Губы, пусть жесткие, были знакомо приятны, нахальный язык будил ощущения, которые я, как мне казалось, придумала, а длинное, твердое тело прижатое к моему, будоражило воспоминания, пуская волны дрожи. И я, расслабив мышцы, откинулась спиной на опору позади меня и позволила себе уплыть в эти ощущения, прислушиваясь к ним и смакуя.

…прижавшееся ко мне тело. Мои пальцы переплетены с его и руки плотно прижаты к двери. Ментальная установка, которой я успокаивала себя перед встречей, слетела, и теперь по жилам расползалась будоражащая смесь из страха, азарта и – Великое Ничто его пожрало бы, этого темного, но так и есть – возбуждения.

Замечательно. А я-то всю жизнь считала, что я правильная девушка и мне нравятся правильные вещи!

И пока тело погружалось в эти эмоции и ощущения, разум работал совершенно в ином направлении.

Расколоть блокировку сходу не удалось. Эльфийский артефакт действовал по щадящему варианту: он отрезал меня от управления силой, но не лишил доступа к ней полностью, возможность видеть и чувствовать магию осталась. И только пытаясь колдовать, я ощущала себя запертой в саркофаге: нигде не жмет, не давит, но и двигаться не позволяет.

И всё же, этот щадящий режим оставлял мне шанс. Я чувствовала, верила, что если постараюсь, если проявлю ловкость и гибкость – смогу извернуться внутри, как гимнастка в цирковом ящике, и вывернуться из блокировки…

Мне просто нужно время!

И когда темный решил разорвать поцелуй, попытался отстраниться, а, может быть, даже что-то сказать – я не дала ему этого сделать. Мне нужно еще время!

…мой дождевик упал на пол первым из нашей одежды.

Следом отправился его камзол.

Шейный платок.

Рубашка была ослепительно белая и безнравственно-дорогая, родная сестра той, которая осталась на полу пещеры в Улариэ: каменный шелк[4 - Производится из нитей скального шелкопряда, магически выведенного темными эльфами. Способен употреблять в пищу камни твердых пород, создавая нить, обладающую уникальными свойствами. Одежда из каменного шелка является разновидностью легкой брони.], пуговицы, изрезанные рунами…

Я потянулась к ним – и мои руки выпустили из тисков.

Мелкая верхняя пуговица с трудом поддавалась нервным пальцам, кожа шеи казалась смуглой от контраста с воротником, а от темного пахло терпко и пряно, и этот запах будоражил сознание, отвлекал от мыслей о спасении.

Пуговица выскользнула из петли.

Первая попытка не удалась. Ничего, мы попробуем еще раз. Ведь если восприятие сохранилось, значит, какие-то потоки мне доступны. Вся проблема только в том, что они настолько тонки, что расползаются от попыток сплести их в чары…

И двойственность моих намерений лишь добавляла пикантности и остроты ситуации осознанием: я собираюсь использовать свою женскую привлекательность, чтобы провести темного. Это… будоражило.

Попытка проваливалась за попыткой.

Пуговица поддавалась за пуговицей.

Руки темного, теперь не занятые удерживанием моих, скользили по моему телу, и грубая шерсть не спасала от плотных прикосновений. И это тоже осложняло спасение.

От бедер – до груди, так весомо, так ощутимо. И сжав мою грудь властным, хозяйским жестом, они пускают по мне горячие искры, и те отзываются дрожью между ног.

И руки отправляются в обратный путь, плотно прижавшись к моему телу, скользят вниз, и на бедрах сжимаются, сгребая ткань платья в кулаки, поднимая ее… чтобы скользнуть под этот ворох. Коснуться голой кожи над границей чулок.

Ох! Оракул, помоги!

…и очередная попытка рассыпается уже по вине эльфа.

И я, открыв глаза (когда я успела их закрыть?), не успев подумать, возмущенно кусаю голую грудь передо мной, чуть выше темного овала соска.

Возмездие следует незамедлительно: мои ягодицы стискивают под платьем, а меня прижимают к… к горячему, твердому – и новое «Ах!» вырывается из меня

непроизвольно, с выдохом.

А тёмный прикусывает моё ухо – нежную мочку, и легонько касается её самым кончиком языка, еле ощутимыми движениями.

…под ними, но не из-за них рассыпаются потоки, сплетенные в очередную попытку обойти блокировку.

Мне так обидно!

Ненавижу тебя, темный…

Но ему плевать – лишь бы я продолжала выгибаться, прижимаясь к нему всем телом и беззвучно поскуливать от болезненно-сладких ощущений.

Усилием воли мне удалось собраться.

…я не сдамся. У меня есть цель.

И одна часть меня продолжает перебирать плетения и варианты в поисках спасения. А другая погружается острое удовольствие от того, как трется об меня сквозь штаны тело темного. Пока что – сквозь штаны.

Эта мысль подбросила дров в мой костер, и я выгнулась, ловя его движение встречным, пытаясь попасть в ритм и усилить…

Хрипло выдохнув, темный замер – а в следующий миг меня стиснули в объятиях, тускло освещенный кабинет крутнулся вокруг меня, и я оказалась все так же прижата спиной – но уже не стоя у двери, а лежа на диване…

…и, глядя на темного с вызовом, я ме-е-едленно развела колени.

…очередное плетение развалилось, не найдя бреши в блокировке…

Хриплый выдох.

Вес навалившегося сверху тела.

Ладонь, скользнувшая между ног и стиснувшая плоть… и движения пальцев, ласкающие, перебирающие.

Крик застревает в горле, дыхание клокочет в груди, хриплое, надрывное – когда эти пальцы проникают внутрь, меж складок, туда, где мокро и горячо, и двигаются, двигаются, двигаются – порождая жажду, острую потребность. Мне не тягаться с темным в этих играх – и когда он находит и прижимает пальцем какую-то точку, у меня темнеет в глазах, и голова запрокидывается. И я не кричу «да-а-а-а!», только потому что закусила нижнюю губу.

Пытка оборвалась – темный убрал руку, но от этого стало лишь хуже. И, спасая меня от болезненной голодной пустоты, впился поцелуем в губы, толчками проникая в мой рот своим языком.

Щелкнул ремень, тяжесть чужого тела надо мной стала полнее.

Горячее, твердое прикосновение между ног – и толчок, заполнивший меня этим горячим и твердым целиком.

В этот раз движения были быстрыми, резкими, не скольжение – удары внутрь меня, и я выгибалась навстречу так же агрессивно, платя ему той же монетой и скребя ногтями так и не снятую рубашку.

В глазах темнело, а внутри, там, где жарко и горячо скользила мужская плоть, копилось острое напряжение.

Мышцы сжимались, стараясь усилить его – и оно всё нарастало.

Сегодня освобождение пришло быстро.

Эльф дернул меня за бедра, рывком прижал к себе, вдавил плоть в меня до упора, до странного болезненно-сладкого ощущения – и меня сжало спазмом. Горячим, светлым, уже знакомым. Желанным.

И я выгнулась ему навстречу, обнимая мужчину, и чувствуя, как под моими руками его сотрясает дрожь, и растворилась в накатившем блаженстве.

– Не получилось? – с искренним сочувствием спросил нависающий надо мной темный через несколько мгновений, пока я еще пыталась отдышаться и прийти в себя.

Да нет, вроде бы всё получилось…

А… А-а-а!

Что-о-о?!

– Лирелей, ну вы же не думали, что вам дважды удастся один и тот же трюк? – мягко улыбнулся он мне сверху.

Спокойно, Нэйти. Держи лицо!

…потом при удобном случае столкнешь его со скалы за это.

– Попробовать всё же стоило, – небрежно отозвалась я, давая понять, что разгаданные планы меня ничуть не расстроили.

Они, кстати, и не расстроили. Просто я внесла поправки на будущее.

– Не то, чтобы я возражал, конечно, – с намеком отозвался темный и выразительно куснул меня за грудь прямо через ткань глухого платья.

А когда от чувствительной вершины разбежались искры по телу, интимно шепнул мне на ухо:

– Хотя то, что меня держат за идиота – самолюбию не льстит!

– Что вы, вериалис, я и цели себе такой не ставила – льстить вашему самолюбию, – снисходительно парировала я, прекрасно понимая, что могу себе это позволить: раз уж за предыдущие художества не обезглавили – за колкость

и подавно ничего не сделают.

Да и не колкость это, а так… Слабая попытка отыграться за досадное поражение.

Позволив себе легкую понимающую улыбку, темный протянул мне руку, помогая встать. Деликатно отвернулся, позволяя привести себя в порядок.

Я с тоской бросила быстрый взгляд вокруг – и не нашла ничего, что можно было бы обрушить на этот возмутительно самоуверенный затылок.

Блокирующий браслет разве что?

Широкий, увесистый – он вполне сгодился бы на роль орудия мести и спасения, но, увы, не было у меня никакой уверенности, что из столь неудобного положения я с первого удара оглушу противника.

А темный вряд ли будет настолько любезен, чтобы дать мне вторую попытку.

Да и в принципе… нападать на Тень одного из темноэльфийских Домов, мага и наверняка опытного воина, не будучи воином самой и без магических сил – идея не из лучших.

Отогнав прочь лишние мысли, как агрессивные, так и упаднические, я быстро и тщательно устранила беспорядок в одежде, застегивая, завязывая и подтягивая всё, что темный неизвестно когда успел расстегнуть, развязать и стянуть.

Нет. Стало очевидно, что прямо сейчас я блокировку не обойду. А значит, ход за темным.

* * *

– Лирелей, мы с вами не очень удачно начали наше знакомство. Давайте попробуем заново, – предложил он, сопроводив меня к столу и устроившись напротив. – Ваше имя мне известно, а вот я не представился. Позвольте мне

исправить эту оплошность: Мэлрис эль-Алиэто из дома Алиэто. Можете звать меня Мэл.

Потрясающе, Даркнайт Ирондель Янтарная. Ты наконец-то узнала имя мужчины, с которым дважды разделила постель – да и то, не изъяви он добрую волю, ты бы так и не удосужилась поинтересоваться. Родители тобой гордились бы. Особенно отец… И мама тоже.

…эльфийский этикет – прекрасен. Вдвойне прекрасен он своей информативностью.

Возьмем, к примеру, гномов, раз уж мы находимся в одном из их миров. У гномов, как и у большинства разумных рас, известных нам, два пола – мужской и женский. На эти два пола приходится около двух десятков обращений, в которых учитывается собственно пол собеседника, его социальный, матримониальный и профессиональный статусы, а также происхождение и раса. И это только то, что используется при общении с иными разумными, внутри собственной расы критериев и нюансов, определяющих обращение к собеседнику, куда больше – как и самих обращений.

Теперь вернемся к эльфам. У эльфов тоже существует два пола – мужской и женский. На два пола у эльфов существует ровно четыре варианта обращения. Три из них отражают статус собеседника относительно говорящего: выше, ниже или же собеседники равны по положению. Четвертый пренебрежительно используется при общении с разумными иных рас, потому что любой инородец – по умолчанию, ниже любого эльфа по статусу. Всё. Такие мелочи, как, например, пол собеседника или тонкости его иерархического положения полностью игнорируются этикетом обращений.

Иногда я задавалась вопросом, как эльфы сами умудряются не путаться, и четко определять с одного взгляда вериалис перед ними, эраро или ренсали…

А если говорить конкретно о моей ситуации, то, что сообщает мне о собеседнике его имя?

Ничего.

Кроме того, пожалуй, что теперь я знаю, как обращаться к нему в постели!

…вернее, как мне следовало к нему обращаться.

Более никаких сведений я из этой бесценной информации не почерпнула.

«Мэлрис» – личное имя; «эль» – происходит из темноэльфийского дома, у светлых домов используется «аль»; «Алиэто» – тот самый темноэльфийский дом, но связан с ним темный может быть десятком способов: кровным родством различной степени дальности, вассальной присягой, магической клятвой или же клятвой личной… И абсолютно любой из этих способов дает ему право называться «эль-Алиэто».

Единственное, что дает более-менее твердую информацию – «из дома Алиэто». Эта часть означает, что он не только происходит из Алиэто, но и состоит на службе у этого дома.

О, да, дивные никогда не лгут.

Но каких же вершин они достигли в несообщении правды!

Потому что всё это, кроме личного имени (вполне востребованного, к слову, среди темных), было известно мне и раньше.

О-бо-жа-ю эльфов. Просто обожаю.

Эти мысли пронеслись в голове быстрыми ласточками, пока вслух я нанизывала на воздух все предписанные в такой ситуации слова.

– Скажи, Ирондель, – начал темный, и я подобралась.

Ого! По имени! Без обращения «лирелей», указывающего на мой неполноценный в глазах эльфа статус! Да еще и на «ты» – что и вовсе напрямую свидетельствует, что меня признали достойной эльфийского этикета обращений. Невиданная честь, я прониклась.

И напряглась.

– Что ты хотела найти в сокровищнице?

Я промолчала. Врать всё равно бесполезно, а правда слишком дорого обойдется единственному близкому мне разумному существу.

– Это как-то связано с тем, что твоя сестра, Таура Роше, княжна Янтарная, осуждена императором за участие в заговоре и отправлена в ссылку в мир Пьющего Камня?

Вопрос упал в молчание, как тяжелый камень.

Следовало ожидать, что они всё узнают.

Я только надеялась, что это произойдет гораздо позже.

– Она больше не княжна Янтарная, – нейтрально отозвалась я, разглядывая каменную стену кабинета.

– Если говорить с точки зрения закона – она больше и не твоя сестра.

Да. Не княжна, не сестра, не дочь…

Таура Огненная, первая наследница владетельного князя Янтарного, первый маг и первая красавица Янтарного мира – а также всего Самоцветного Ожерелья – перестала быть собой тогда же, когда и я.

Всё рухнуло в один миг, и императорской милостью, отсекающей нас от крови и имени изменника, нарушившего вассальную клятву, она стала Таурой Роше, безродной уроженкой мира Ор-Шао с окраины Империи.

Люди императора, верставшие нам новые личности, не утруждали себя, и приписали ее к тому миру, где Тау находилась в момент нашей семейной трагедии. Так Ор-Шао, мир степей и орков, где выпускница одной из лучших боевых академий Миров проходила преддипломную практику, стал ее новой родиной.

Со мной поступили так же – и императорской волей я во всех документах стала дочерью мира Джиоврил: исконные имперские земли, коренные человеческие миры.

И поэтому я надеялась, что нас с Тау свяжут не скоро.

И что до тех пор я успею вытащить свою сестру из беды.

Я полюбовалась браслетом-блокатором на правой руке.

Вытащила. Молодец.

Осознания, что я сама в беде, всё еще не было.

Чего бы ни хотел от меня темный – он предпочитал добиваться этого миром, танцуя вокруг меня свои странные танцы, а значит – мы еще поглядим, кто кого перетанцует. Зачем-то же он поддался, хоть и сразу разгадал мой план с поцелуем. Я сомневаюсь, что мое тело в первый раз произвело на высокородного столь неизгладимое впечатление, что он просто не устоял. Глупо, у него таких шпионок было…

…а другие еще поди и настоящие, а значит, опытные…

– Итак, Ирондель Даркнайт, что ты искала в сокровищнице Алиэто-оф-Ксадель?

Я шевельнула бровями, давая понять, что он может сам выбрать любой устраивающий его ответ – я нисколько его не ограничиваю.

Настроение было меланхоличным, под стать серому дождю Восьмого мира, очередная неудача в цепи провалов последнего времени повергла меня в грусть, печаль и уныние, и я не желала ни общения, ни бесед.

Ни, тем более, допросов.

– Впрочем, это даже не самый интересный вопрос. Куда любопытнее другой: как ты ее нашла?

Масляные светильники по стенам чуть потрескивали и едва ощутимо коптили, но давали уютный желтый свет. Интересно, их здесь используют вместо привычных магических ламп ради экономии или для атмосферы?

– Ирондель, – укоризненно напомнил о себе темный (с прозеленью) эльф.

– Мэлрис, что вам от меня нужно?

Теперь уже собеседник предпочел сделать вид, что не услышал вопроса:

– По правилам темноэльфийской речи, к единственному собеседнику не следует обращаться во множественном числе, Ирондель. Правильно спрашивать «что тебе нужно?».

Нового он мне не сообщил ничего: за месяцы службы в доме Алиэто хочешь-не хочешь, а научишься разбираться в подобных деталях.

– Нет, – отозвалась я, – Правильно спрашивать – «вам». Ты не смог бы скрыть от других ни попытку моего проникновения в сокровищницу, ни, тем более, мой побег из замка. И первого, и второго с избытком хватило бы для смертного приговора. И раз уж ты до сих пор не привел его в исполнение, значит, уверен, что тебе за это ничего не будет.

Я положила руки на покрытую скатертью столешницу, переплела в замок пальцы, и повторила, прямо и твердо глядя в глубокие зеленые глаза:

– Что вам от меня нужно?

Темный тоже откинул прежний, расслабленно-покровительственный тон:

– В защите Алиэто-оф-Ксадель обнаружилась огромная дыра. Как ты думаешь, что нам нужно?

Что ж, логично. Мне следовало самой об этом подумать.

– А после того, как я поделюсь этой информацией, меня казнят? – уточнила я, с интересом склонив голову набок и позволив иронии отразиться в голосе.

Вот только, от нее не осталось и следа, когда темный вдруг и на мой вопрос, и на мой взгляд ответил с одинаковой серьезностью:

– Твоя жизнь, как ты помнишь, была условием сделки. Но если хочешь – я могу принести тебе магическую клятву.

– Хочу.

Он плавно поднял руку, раскрыв пятерню:

– Я, Мэлрис эль-Алиэто, – вокруг его руки сгустились и замерцали искорки, медленно разгораясь и становясь ярче. – Клянусь!

Из искр магии воплотился подгорный терн, откликавшийся на магические клятвы темных эльфов свидетелем первого порядка, обвил широкое, но сухое мужское запястье, перекинулся на кисть – и сразу вслед за ним воплотился лунный плющ, второй свидетель темноэльфийских клятв.

Воплотился – и оплел колючего собрата зеленой лозой.

– Что ни я лично, ни мой народ не заинтересованы в казни либо причинении смерти иным способом лирелей Ирондель Даркнайт!

Плющ и терн осыпались зелеными и коричневыми звездами и истаяли.

Я вздохнула, и ответила на вопрос, ради которого темный принес мне клятву (пусть и сделал это максимально расплывчато):

– Немного истории, немного архитектуры, немного логики, совсем чуть-чуть магии – и очень много терпения.

Оценив взгляд темного (кажется, кому-то не слишком понравилась расплата той же монетой), я решила не затягивать со смакованием мести, и пояснила:

– Я изучала исторические хроники времен Элга Завоевателя. Он брал множество эльфийских замков, как светлых, так и темных. Вычленила закономерности, учла

архитектурные особенности, и предположила, как теоретически должны вести себя магические потоки. А потом в течение полугода отслеживала их на практике…

Я слегка пожала плечами, как бы показывая, как всё просто.

Хотя на самом деле, это ни капли не просто. Я проделала огромную работу, и мне было чем гордиться. Жаль, что не перед кем. А темный эльф, пострадавший от ее итогов, боюсь, не поймет, если я потребую восхваления моих талантов…

– Я… впечатлен, Ирондель Даркнайт, – почтительно склонил голову «пострадавший». – Мы учтем сказанное и примем меры, но это не умаляет моего восхищения!

И я против воли почувствовала себя польщенной.

– Кто тебя послал в Алиэто-оф-Ксадель?

Я с усилием расслабила руки, сжавшиеся в кулаки. Уронила равнодушное:

– Я не буду отвечать на этот вопрос.

Взгляд сам собой перетек на каменную кладку стен и любовно начищенную медь масляных светильников на них. Всё же, обстановка здесь мне нравилась.

Добротно, надежно, уютно.

– Что тебе за это пообещали?

Если выберусь из этой передряги и выживу – обязательно заведу себе такие светильники. Хоть где-нибудь! Они мне нравятся.

– Возможно, какие-то поблажки для твоей сестры? Послабление режима, уменьшение срока?

Сердце дернулось, ударило с перебоем. От упоминания Тау и того, что она в беде, стало физически больно.

Я постаралась удержать лицо и голос одинаково ровными:

– Я не буду отвечать на этот вопрос.

Эль-Алиэто вздохнул. Так сочувствующе, так искренне… Что в любой другой ситуации я ему бы даже поверила.

Но не поверила.

– Что тебе приказали забрать из сокровищницы дома Алиэто?

Я оценила деликатность формулировки: темный тактично избежал слова «украсть». Но…

– Я не буду отвечать на этот вопрос.

– Как тебе удалось сбежать из Алиэто-оф-Ксадель?

Тишина в кабинете нарушалась лишь потрескиванием огня в лампах на грани слышимости да шелестом дождя за окном.

Мне было больно от того, что я не справилась, подвела Тау, страшно, что темному вот-вот надоест эта мышиная возня и он спросит по-другому, и тоскливо от того, что я не могу дать ему ответы. Просто не могу.

Я бы хотела, правда, хотя бы ради себя и своей безопасности, но возможность (пусть теперь и призрачная) помочь Тау – важнее.

Первым прервал молчание темный:

– Да-а-а… Так у нас, пожалуй, сотрудничества не выйдет.

Я не выдержала, скакнула на него взглядом, хоть и планировала бесстрастно изучать стену.

К моему удивлению, темный недовольным не выглядел.

И прежде, чем я успела надерзить, что подобного намерения в своих планах и не припоминаю, темный внес новое предложение:

– А если так: ты соглашаешься сотрудничать и оказываешь посильную помощь с устранения прорех в защите – а я организую тебе встречу с сестрой…

Ласточки мыслей заметались стремительными росчерками. При всех недостатках дивной расы есть у них и неоспоримые достоинства: эльфы не лгут. И значит…

– В целом, я согласна. Но хотелось бы подробнее оговорить условия сделки. Будет печально, знаешь ли, если вдруг окажется, что «организовать встречу с сестрой» означает сослать в мир Пьющего камня и меня, – тонко улыбнулась я темному.

– Ну что ты, как можно, Ирондель! Разве я бы смог?! Да никогда!

Мы оба знали, что я заглотила наживку, но мне было всё равно.

– Кстати, о «никогда», – оборвала я развлекающегося темного, – Сроки встречи тоже нужно обозначить конкретно. Допустим, завтра.

Темный убавил веселья, и вздохнул:

– Я доставлю тебя к Тауре Роше, дам возможность увидеться с ней и поговорить, после чего верну туда, откуда привел. Во время этой встречи и в пути туда и обратно я обязуюсь обеспечивать твою безопасность. Но, Ирондель, я не всесилен. По закону вы друг другу никто, и, если я попытаюсь действовать официально, светлые родичи не упустят случая отказать темным, так что придется задействовать обходные пути, а на это потребуется время… Думаю, не меньше декады.

Я молча кивнула. А потом добавила:

– Что ж. В таком случае, распорядись, пусть хозяин подаст писчие принадлежности – я готова приступить к исполнению своей части сделки. И, раз уж мы тут обмениваемся профессиональными секретами, может, поделишься, на чем я погорела с вашей сокровищницей? – с самым невинным видом закинула я удочку.

Темный улыбнулся и покачал головой.

Что ж, я и не рассчитывала всерьез получить ответ! Просто по моим расчетам меня никак, ну никак не могли засечь – и теперь меня гложет любопытство, в чем ошибка?

– Хорошо.

Что? Сердце замерло в восторге: да не может такого быть!

– Хорошо, Ирондель. Приноси клятву верности дому Алиэто, и получишь ответы на все свои вопросы!

С-с-с… Сказала бы я, кто ты, Мэлрис эль-Алиэто!

Но вместо этого лишь сухо уточнила:

– А не велика ли честь?

– Вовсе нет, – легко откликнулся темный, подавая мне руку, которую я бездумно приняла, и помогая встать. – Ты ценный маг, и, безусловно, мой дом готов доверить тебе честь прикоснуться к его тайнам. Но на условиях верности.

Я растерянно моргнула, пытаясь понять – он это серьезно? А еще – для чего мы встали.

В следующий миг темный подхватил меня на руки и по коже побежали мурашки от ощущения разворачивающегося рядом портала.

* * *

Сначала меня поставили на ноги, а потом я уже проморгалась от пляшущих перед глазами разноцветных пятен (калейдоскоп – подарок от принудительного межмирового перехода, не благодарите!) и восстановила сбитое дыхание. Темный терпеливо придерживал меня за талию эти несколько секунд, но, как только убедился, что я стою на ногах твердо, руки убрал.

Я торопливо огляделась и тут же возмутилась:

– Мы так не договаривались!

– Как? – уточнил темный и с видом заботливой хозяюшки прошелся по комнате – отдернул штору (причудливое переплетение лиан и листьев), распахнул окно (кусочки прозрачной слюды, вставленные в узор из голых веток), впуская влажный, теплый, обволакивающий ночной воздух…

Эльфийский классицизм, подчеркнутый светом большой пронзительно-голубой луны и таинственно мерцающими в прожилках стен светлячками, обрушился на меня осознанием: я снова оказалась в Алиэто-оф-Ксадель.

Из плюсов – он не приволок меня в свою пещеру, предварительно оглушив дубиной по голове, оставив эту привилегию первобытным людям.

Комната по ощущениям больше всего напоминала… дупло. Наверное, как-то так оно должно выглядеть изнутри. Только не какое-то там обыденное скучное дупло, а дупло в эльфийской изысканной вариации.

Она была круглой, и мягко отполированный деревянный пол под моими ногами выглядел как срез на пне гигантского дерева – годовые кольца теплого медового цвета, природной неправильной формы, до невозможности естественные. Мебели было немного – кровать, два кресла и столик, шкаф – все тоже деревянное и вписанное с таким непринужденным изяществом, будто оно вот в этом дупле совершенно само так случайно выросло.

А когда лунные лучи упали на вытянутые плотно сомкнутые лепестки цветов, овивающих столбики кровати, те поразмыслили немного, и медленно раскрыли

слегка фосфоресцирующую бледно-розовым сердцевину с золотистыми искрами тычинок. В тропические влажные ночные ноты вмешался тонкий свежий аромат цветов.

И завершающий штрих, делающий ассоциацию с дуплом еще более полной – большое овальное окно с выходом на балкон.

– Я рад, что тебе нравится, – удовлетворенный голос, выдернул меня из затянувшегося увлеченного созерцания.

Я взбодрилась, закрыла рот, едва не прикусив язык и прожгла остроухого мерзавца мрачным взглядом.

Ненавижу эльфов!

– Мы не договаривались, что я вернусь с тобой в Алиэто-оф-Ксадель! – вспомнила я, на чем мы там остановились.

Темный сверкнул в сумраке кошачьими глазами и едва заметно дернул ухом тоже совсем как кот. Может, я бы и не заметила этого движения, если бы не сверкнули причудливо в лунном свете украшающие его колечки сережек.

– Начнем с того, что о твоем побеге мы тоже не договаривались. Я обещал тебе жизнь, Ирондель, а не свободу уйти.

«Свободу уйти». Красиво звучит да. Ограничься он просто словом «свободу» звучало бы так, будто я пленница, лишенная любых прав. Я машинально коснулась кончиками пальцев браслета-блокатора.

Мэлрис чутко проследил мое движение.

– Я могу его снять.

Я подняла на эльфа недоверчивый взгляд исподлобья, зная, что предложение этим не ограничивается.

– В обмен на магическую клятву не покидать мир Улариэ без моего согласия и сопровождения.

Оракул всевидящий, неслыханная щедрость, мои свободы даже на целый мир простираются, не только на Цитадель-над-Радугой? Не говоря уже о том, что дивный мог вообще ограничиться этой комнатой.

И внутренний голос звучал без сарказма. Предложение действительно было щедрым. А я действительно была удивлена, и действительно не понимала, зачем. Зачем ему это все? Зачем ему я? Да еще и настолько?

Вот только…

Мне не нужен мир Улариэ, темный. Мне нужен другой.

И я отрицательно мотнула головой.

– Согласен, – Мэл едва заметно улыбнулся. – Так интереснее.

Внутри снова полыхнул огонек возмущенной злости – остроухая сволочь, судя по всему, уже с азартным нетерпением ожидает от меня очередную попытку побега.

А темный тем временем заговорил хорошо поставленным голосом экскурсовода:

– Это твоя комната. В шкафу есть одежда, но ты можешь прогуляться в город и подобрать что-то на свой вкус. Там купальня, – он толкнул стену без малейшего контура двери, и та растаяла, явив моему взгляду ванную комнату. Тоже, кажется, деревянную…

А я подумала о том, что в пещеру он меня уволок, наверное, не из благородства, а потому что без магии я там даже до умывальника не доберусь…

Стоило темному убрать ладонь от стены, и та снова стала стеной.

– Шнурок вызова прислуги… ты можешь заказывать еду в комнату, можешь присоединиться к трапезам в общей столовой на пятом этаже. Спросишь, тебе

покажут.

Пятый этаж?.. Общая столовая, где кормили работников Цитадели-над-Радугой, проживающих в замке, находилась на первом…

Нет, спасибо, пожалуй, от трапез в обществе старших я воздержусь. Они там меня сожрут вместо рагу. Хотя что это я? Вместе. Вместе с рагу. Эльфы – точно не те создания, которые откажут себе хоть в каком-нибудь из удовольствий.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Умение ходить между Гранями – одна из ветвей порталостроения, характерная именно для темных эльфов. В своем замке, с которым эльф тесно связан кровью, он может перемещаться от места к месту мгновенно и на минимуме личных сил.

2

Эльфийское обращение к инородцам. Между собой они используют иные обращения. Ренсали – к тому, кто ниже статусом. Эраро – к равному. Вериалис – к тому, кто выше.

3

Темноэльфийский специалист по связям с инородной общественностью

4

Производится из нитей скального шелкопряда, магически выведенного темными эльфами. Способен употреблять в пищу камни твердых пород, создавая нить, обладающую уникальными свойствами. Одежда из каменного шелка является разновидностью легкой брони.

Купить: https://tellnovel.com/yasnaya_yana/noch-v-tvoih-glazah

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити